

0. 778380

На правах рукописи

КОЖЕМЯКИН Евгений Александрович

**КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ
ДИСКУРСНОЙ ФОРМЫ БЫТИЯ КУЛЬТУРЫ**

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Белгород – 2009

Работа выполнена на кафедре философии
ГОУ ВПО «Белгородский государственный университет»

Научный консультант: доктор философских наук, профессор
Кротков Евгений Алексеевич
(г. Белгород)

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Резник Юрий Михайлович
(г. Москва)

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000548684

доктор философских наук, профессор
Скрипник Константин Дмитриевич
(г. Ростов-на-Дону)

доктор философских наук, профессор
Финогентов Валерий Николаевич
(г. Орёл)

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Воронежский
государственный университет»

Защита состоится 18 сентября 2009 г. в 14.00 часов на заседании совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д 212.015.05 по философским наукам при Белгородском государственном университете (308015 г. Белгород, ул. Победы, 85).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Белгородского государственного университета (308015 г. Белгород, ул. Победы, 85).

Автореферат разослан « ___ » _____ 2009 г.
Автореферат размещен на сайте: <http://www.bsu.edu.ru>

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук,
доцент

Т.И. Липич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования выражается в двух основных аспектах, связанных, во-первых, с характерными чертами современного научного знания о культуре и, во-вторых, с состоянием современных знаково-символических и коммуникативных процессов в культуре.

Первый аспект – это существенные процессы обновления, трансформации и переоценки накопленного философско-культурологического знания о том, что составляет их предметную область исследований. Эти изменения в большей степени затрагивают такие ключевые категории, как *культура, язык, дискурс*.

Для современного научного знания симптоматичным является обращение сразу нескольких отраслей знания (философии, культурологии, социологии, политологии, психологии, антропологии) к анализу языка и речи. Исследовательские интересы фокусируются на изучении роли языка в конструировании социокультурной реальности, в обосновании повседневности, на анализе языка как идеологического инструмента, способа упорядочивания социокультурных отношений, (вос)создания социокультурного порядка. Уже не принято считать, что язык лишь обслуживает внешнюю деятельность; теперь полагают, что язык сам непосредственно является деятельностью. Все реже можно встретить тезис о том, что язык – это средство мышления. Напротив, всё более распространенным является утверждение о том, что язык и есть мышление. Это означает, что психические процессы и субъективность человека если и не обладают в абсолютной мере языковой природой, то в значительной степени обусловлены языком. Язык стал объектом даже идеологической критики вследствие того, что теперь он рассматривается как инструмент манипуляции сознанием и нормирования социального поведения.

Столкнувшись с «человеческим» измерением языка (то есть с полаганием его в области желаний, намерений, действий и взаимодействий людей), исследователи пришли к выводу, что принципы функционирования и организации языка на абстрактном уровне не всегда проявляются и «работают» на уровне человеческого взаимодействия. Иными словами, люди используют язык по иным законам, нежели те, по которым он организован. Специфика использования языка зависит от социального, исторического, коммуникативного, экономического и прочих контекстов, а это означает, что язык может быть инструментом достижения определенных целей — социальных, экономических, политических и т.д. По существу, сформулирован новый предмет для исследования – *дискурс*¹, а одним из методологических междисциплинарных проектов изучения культуры становится *дискурсный подход* (дискурс-анализ). Этот подход не пересматривает базовые представления о культуре, к чему часто прибегают многие неклассические и постнеклассические методологические схемы, а синтезирует и развивает их, несколько меняя акценты в содержании понятия культуры и обнаруживая новые связи между его аспектами.

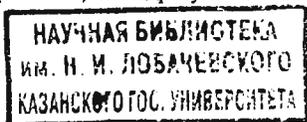
¹ См. авторское определение дискурса на стр. 14 автореферата.

Второй аспект актуальности темы исследования связан с трансформациями в коммуникативном пространстве современной культуры. Интенсификация процессов коммуникации в современном мире достигает тех масштабов и той степени, при которых переплетение языка с действительностью приводит к образованию своего рода «плавленного котла», в котором предмет становится сложно отличить от его наименования, а номинируемое действие – от самого поступка. С семиотической точки зрения, в процессе коммуникации, обслуживающей культурные практики, первичная знаковая система уступает место вторичной – знаково-символической (семантико-информационной) системе. Дискурс становится первичной реальностью (а в таких областях жизни человека, как политика, художественное творчество – зачастую единственной реальностью). В науке и в повседневном общении всё чаще высказывается мысль о том, что современный человек живет преимущественно в дискурсной, а не предметной реальности, то есть в мире конструируемых ценностей и смыслов, а не вещей и фактов; в мире зависящих от контекста конвенций, а не универсальных норм; в мире знаков, а не предметов, которые они обозначают. Культура – это во многом то, *что и как* люди говорят.

Актуальность философско-культурологического подхода к изучению дискурса культуры становится в большей степени очевидной в контексте распространенного факта непонимания людьми языка, текстов, контекстов, прагматики медицинского, юридического, политического, образовательно-педагогического дискурсов. С одной стороны, такие – институциональные (дисциплинарные) – тексты прочно вплетены в культурную ткань нашей жизни, но, с другой стороны, мы испытываем неудачу, пытаясь понять их содержание без помощи «специалистов» и «профессионалов». Нам требуются посредники (своего рода «дискурсные переводчики») для понимания текстов законов, медицинских диагнозов, административно-бюрократических документов, сакральных текстов. Более того, тексты, циркулирующие в различных сферах культуры, часто бывают не согласованы по своему содержанию, что приводит к затруднениям «междискурсного» диалога. Это представляет собой парадоксальную ситуацию, поскольку, казалось бы, понимание сообщения и адекватной реакции на него полагается в качестве главной задачи этих дискурсов. Работа с текстами, которые регламентируют и упорядочивают нашу жизнь, требует наличия свода правил их создания и понимания, а также групп «профессионалов», которые обеспечивали бы перманентную актуализацию текстов, определенных моделей поведения, легитимированных текстами. Все это говорит о том, что *культура* в значительной степени сегодня бытийствует в дискурсной форме и требует соответствующей методологии её изучения.

Степень разработанности проблемы.

Дискурсный подход к изучению культуры базируется на пересечении ряда дисциплин (философии культуры, культурологии, философии языка, семиотики, лингвистики текста, социолингвистики, социологии культуры, лингвокультурологии) и подразумевает выделение ряда взаимосвязанных феноменов

(дискурс, язык, культура, текст, концепт, мышление) в качестве предмета научного анализа. Проблема исследования имеет междисциплинарный и многоаспектный характер и принимает различные трактовки в зависимости от научной дисциплинарной традиции или фокуса исследовательского внимания.

На сегодняшний день наиболее глубоко и всесторонне исследованной является проблема феномена культуры, её содержания и функций, нашедшая отражение в работах классиков мировой и отечественной философии культуры и культурологии, таких как Н.А. Бердяев, М. Вебер, Э. Гуссерль, И. Кант, Э. Кассирер, К. Леви-Стросс, А.Ф. Лосев, Ф. Ницше, О. Тоффлер, З. Фрейд, О. Шпенглер, К.-Г. Юнг, К. Ясперс и других. Идеи вышеназванных исследователей получили своё развитие во второй половине XX века в работах современных отечественных авторов, среди которых Л.М. Баткин, М.М. Бахтин, Г.Д. Гачев, А.Я. Гуревич, П.С. Гуревич, В.Е. Давидович, Г.В. Драч, Б.С. Ерасов, Н.С. Злобин, Э.В. Ильенков, Л.Г. Ионин, М.С. Каган, С.М. Климова, Д.С. Лихачёв, Ю.М. Лотман, Э.С. Маркарян, В.М. Межуев, Е.М. Мелетинский, М.К. Петров, В.П. Римский, В.М. Розин, Ю.С. Степанов и другие²; в работах этих исследователей рассмотрены продуцирующая, познавательная, смыслообразующая функции культуры. И.А. Ильева, определяя специфику отношений между индивидами в зависимости от типов общения в социокультурном пространстве, выделяет три уровня общения – субъект-субъектное, межличностное и межиндивидуальное, которые характеризуют различные типы культуры – межличностно-повседневный, групповой, институциональный³.

Фундаментальность и масштабность содержания категории «культура» ставит перед исследователями задачу построения унитарных дескриптивных моделей культуры. Так, Ю.М. Резник, основываясь на системных идеях К. Маркса, Т. Парсонса, П. Сорокина и Ю. Хабермаса, конструирует «социально-системологическую» концепцию, на основе которой осуществляет системный анализ культуры⁴. В рамках этой концепции культурные феномены рассматриваются в единстве онтологических и феноменологических (субъектных) предметов, а также познавательных, ценностных, нравственных, символических, психологических и практических аспектов взаимодействия между людьми. В.Н. Финогентов, обосновывая многоуровневый характер

² Баткин, Л.М. Пристрастия: Избранные эссе и статьи о культуре. - М.: Изд-во РГГУ, 2002; Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. - М.: Искусство, 1979; Гуревич, А.Я. От истории ментальности к историческому синтезу // Споры о главном. - М., 1993. - С.16–29; Давидович, В.Е. В зеркале философии. - Р.на-Д.: Феникс, 1997; Каган, М.С. Философия культуры: Становление и развитие. - СПб.: Изд-во «Лань», 1998; Климова, С.М., Губарева, О.В. Миф и симулякр // Человек. - 2006. - №6 (ноябрь). - С. 113-121; Лихачев, Д.С. Текстология: На материале рус. лит. X-XVII в. - СПб.: Алетейя, 2001; Межуев, В.М. Идея культуры: Очерки по философии культуры. - М.: Прогресс-Традиция, 2006; Петров, М.К. Язык. Знак. Культура. - М.: УРСС, 2004; Римский, В.П. Культура и тоталитаризм. - Белгород: Изд-во БелГУ, 1999; Розин, В.М. Семиотические исследования. - М.: ПЕР СЭ, 2001.

³ Ильева, И.А. Культура общения. Опыт философско-методологического анализа. - Воронеж: ВГУ, 1989.

⁴ Резник, Ю.М. Введение в социальную теорию. - М.: Наука, 2003.

темпоральной структуры бытия, выделяет несколько типов процессуальности (хаос, функционирование и развитие), характеризующих как человеческий универсум, так и различные формы бытия культуры⁵.

Огромное значение для исследования имеет диалогическая концепция культуры, разработанная отечественными авторами – М.М. Бахтиным, В.С. Библером, М.К. Петровым, Б.Ф. Поршневым, О.М. Фрейденом, а также зарубежными – К. Ясперсом, М. Бубером, Ю. Хабермасом и другими. В данной концепции, с разных позиций, диалог рассматривается как основная характеристика взаимодействия в рамках культуры и как одна из форм актуализации культуры, а также как способ мышления и форма речевого бытия. Коммуникация как условие повседневного бытия культуры проанализирована в работах П. Бергера, Н. Лумана, Ю. Хабермаса, А. Шюца.

Обоснованию знаково-символического и прагматического характера культуры посвящены работы таких авторов, как М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, З.Г. Минц, М.К. Петров, Н.В. Топоров, И.И. Ревзин, Б.А. Успенский, Р. Барт, К. Гирц, А. Греймас, Ю. Кристева, К. Леви-Стросс, Ц. Тодоров, У. Эко и других⁶. В рамках этого – культурно-семиотического – подхода основополагающим элементом культуры полагается язык (код, «гиперкод», «знаковая система») как, в широком смысле, система означающих и означаемых, определяющая характер и содержание культурных концептов, моделей поведения индивидов и системы их взаимоотношений. Основные принципы этого подхода сформулированы в рамках семиотической концепции Ч. Пирса, Ч. Морриса и структурно-лингвистической концепции Ф. де Соссюра. Говоря о принципиальной значимости этого подхода для нашей работы, нельзя не отметить существенные результаты культурно-семиотических исследований таких отечественных авторов, как А.А. Ветров, Б.В. Марков, С.Т. Махлина, Н.Б. Мечковская, Л.П. Морина, Г.Г. Почепцов, К.Д. Скрипник, Ю.С. Степанов, В.Ю. Сухачев, С.В. Чебанов, Л.Ф. Чертов и других⁷. Основные положения представителей семиотического и культурно-семиотического подходов позволили нам рассматривать культуру в системе ее знаково-символических, концептно-знаковых и семиотических характеристик, предопределенных историческим континуумом и когнитивной деятельностью индивидов.

Исследования в области лингвокультурологии, берущие начало в трудах А.А. Потебни, В. Гумбольдта, Ф. Боаса, Э. Сепира, Б. Уорфа, развивают идею о детерминированном характере связи между языковой системой и

⁵ Финогентов, В.Н. "...И ропщет мыслящий тростник": О бессмысленности и смысле жизни человека. О временном и вечном в бытии человека. О свободе и несвободе человека. – Уфа: УТИС, 2000.

⁶ Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1996; Топоров, В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983; Ревзин, И.И. Структура языка как моделирующей системы. – М.: Наука, 1978; Гирц, К. Интерпретация культур. – М.: РОСПЭН, 2004; Тодоров, Ц. Теории символа. – М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1999.

⁷ Ветров, А.А., Семиотика и ее основные проблемы. – М.: Изд-во политич. лит-ры, 1968; Махлина, С.Т. Семиотика культуры и искусства. Словарь-справочник. – СПб.: Композитор, 2003; Мечковская, Н.Б. Социальная лингвистика. – М.: Аспект-Пресс, 1996; Скрипник, К.Д. Семиотика: Философия. Логика. Диалог. – Р.-на-Д.: РИО РФ РТА, 2000; Степанов, Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. – М.: Языки русской культуры, 1998.

культурой, делая акцент на механизмах закрепления и воспроизводства культурных феноменов в языковых практиках. Среди наиболее значимых лингвистических и лингвокультурологических работ следует назвать исследования Н.Д. Арутюновой, В.З. Демьянкова, В.В. Иванова, В.В. Красных, В.А. Масловой, А.В. Полонского, Ю.Е. Прохорова, Г.Г. Слышкина, В.Н. Телия, Н.И. Толстого, В.Н. Топорова, Т.В. Цивьян и других⁸.

Прагматический подход к исследованию культуры, развивающий семиотическое направление и ориентированный на интерпретацию связи между знаком, мышлением и действиями индивида в конкретном социокультурном контексте, представлен работами У. Куайна, Дж. Остина, Ч. Пирса, Р. Рорти, Дж. Сёрля, Э. Щеглофф, Дж. Юла и других⁹.

Интерес к дискурсу проявился в связи с проблематизацией языка как философско-социальной категории, а также в связи с изменением взгляда на язык как в лингвистике, так и в других гуманитарных дисциплинах. В этом контексте принято говорить о «лингвистическом повороте» в философии, культурологии и социально-гуманитарных дисциплинах, который имел место в конце XIX – начале XX веков и связывается с работами влиятельных авторов, среди которых Л. Витгенштейн, Ч. Пирс, Г. Фреге, М. Хайдеггер, М.М. Бахтин.

Ключевые подходы к анализу дискурса начинают формироваться практически в то же время, когда категория дискурса выделяется как самостоятельный предмет исследований. Формирование дискурс-анализа как относительно самостоятельной дисциплины связывается, в первую очередь, с работами французских, немецких, а также британских и американских исследователей 60-х – 70-х годов XX века – П. Анри, К.-О. Апеля, Ж. Бодрийяра, Дж. Брауна, Х.-Г. Гадамера, Ж. Граймса, Ж. Женнетта, В. Камля, Э. Кассирера, У. Кинча, Ж. Коке, Ж. Курте, В. Лабова, Ж. Лакана, А. Леконта, П. Лоренцена, Д. Мальдидье, Ж. Отье-Ревю, М. Пеше, П. Рикера, А. фон Савиньи, П. Серию, Р. Томлина, С. Томпсона, Э. Тугенхадта, М. Фуко, Ю. Хабермаса, М. Шароля, М. Хэллидея, У. Чейфа, Дж. Юла и других¹⁰. В работах указанных авторов дискурс трактуется не только как лингвистический феномен, но и как основа и условие существования любой культуры.

⁸ Арутюнова, Н.Д. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. – М.: Наука, 1992; Красных, В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация. – М.: Диалог-МГУ, 1998; Полонский, А.В. Категориальная и функциональная сущность адресатности. – М.: Русский Дом, 1999; Прохоров, Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. – М.: Флинта, Наука, 2004; Слышкин, Г.Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 38-45; Цивьян, Т.В. Семиотические путешествия. – М.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002.

⁹ Куайн, У. Слово и объект. – М.: Логос, Праксис, 2000; Остин, Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17: Теория речевых актов. – М., 1986. – С. 22-130; Пирс, Ч.С. Рассуждение и логика вещей. – М.: РГГУ, 2005; Рорти, Р. Тексты и куски // Логос. – 1996. – № 8. – С. 173-189; Сёрль, Дж. Рациональность в действии. – М.: Прогресс-Традиция, 2004.

¹⁰ Апель, К.О. Трансцендентально-герменевтическое понятие языка // Вопросы философии. – 1997. – № 1. – С. 76-92; Кассирер, Э. Философия символических форм: В 3 тт. – М.: Университетская книга, 2002; Лакан, Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. – М.: МГУ, 1995; Рикёр, П. Конфликт интерпретаций. – М.: Канон-Пресс, 2002; Фуко, М. Археология знания. – СПб: Гуманитарная академия, 2004.

К концу 70-х годов XX века окончательно формируются и активно развиваются направления и школы дискурс-анализа, среди которых наиболее влиятельными и продуктивными являются: а) французская школа дискурс-анализа (П. Анри, Ж.Ж. Куртин, М. Пешё и др.); б) теория речевых актов (Дж. Остин, Дж. Р. Сёрль и др.); в) конверсационный анализ (Г. Сакс, Э. Щеглов, Г. Джефферсон и др.); г) Бирмингемская школа дискурс-анализа (М. Кулхард, Дж. Синклер и др.); д) социолингвистика (У. Лабов, Дж. Фишман, С. Эрвин-Трипп и др.); е) критический дискурс-анализ (Т.А. ван Дейк, Р. Лакоф и др.); ж) немецкая школа дискурс-анализа (К.-О.Апель, А.фон Савиньи, Э. Тугендхат, Ю. Хабермас и др.).

Следует выделить две доминантные теории, радикально повлиявшие на содержание большинства дискурсных исследований: теорию дискурсных формаций (теорию археологии и генеалогии) Мишеля Фуко (получившее в дальнейшем свое развитие в теории «автоматического анализа дискурса» Мишеля Пешё) и психоаналитическую теорию дискурса Жака Лакана.

В связи с развитием идей М. Фуко о регламентирующем характере дискурсной практики возникает интерес к институционализованным видам дискурса. В отечественной и зарубежной науке ведущими исследователями различных институциональных дискурсов являются: в сфере исследований политического дискурса – В.И. Карасик, В.П. Макаренко, П.Б. Паршин, О.Ф. Русакова, Е.И. Шейгал, Т.А. ван Дейк, Р. Водак, Э. Лаклау, Ш. Муфф, Л. Чулиараки и другие¹¹; в сфере изучения религиозного дискурса – М.Н. Ересьюко, В.И. Карасик, Н.Б. Мечковская, Н.Л. Мухелишвили, О.А. Прохвятилова, В.Н. Финогентов, Ч. Каррен, Дж. Никсон, Р. Рорти, Т. Фитцджеральд и другие¹²; в области анализа образовательно-педагогического дискурса – Т.В. Ежова, А.М. Корбут, Д.Ю. Король, А.А. Полонников, Т.В. Тягунова, С.С. Харин, Б. Бернстайн, Дж. Симонен, С. Суидлер и другие¹³; в области изучения юридического дискурса – А.С. Александров, Е.А. Кротков, А.В. Поляков, Т.А. ван Дейк, Т ван Левен

¹¹ Карасик, В.И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. – М.: Гнозис, 2004; Макаренко, В.П. *Политическая концептология*. – М.: Праксис, 2005; Русакова, О.Ф. *Дискурс, политический дискурс, политическая дискурсология // Многообразие политического дискурса*. – Екатеринбург: ИФП УрО РАН, 2004. – С. 7-33; Шейгал, Е.И. *Семиотика политического дискурса*. – М.: Гнозис, 2004; Dijk, T.A. van. *Discourse and Power*. NY: Routledge, 2008.

¹² Ересьюко, М.Н. *Язык религии: философско-когнитивный анализ*. Автореф. ... д. филос. и., М., 2008; Карасик, В.И. *Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики*. – Волгоград: Перемена, 1999. – С.5-19; Мечковская, Н.Б. *Язык и религия*. – М.: ФАИР, 1998; Мухелишвили, Н.Л. *Дискурс отчаяния и надежды: внутренняя речь и депрагматизация коммуникации // Вопросы философии*. – 1997. – №10. – С. 45-57; Финогентов, В.Н. *Научное знание и религиозное мировоззрение // Язык науки и язык религии*. – Уфа: Уфимск. гос. акад. экон. и сервиса, 2006. – С. 6-19; Джемс, У. *Воля к вере*. – М.: Республика, 1997; Рорти, Р. *Антиклерикализм и атеизм // Логос*. – 2008. – №4 (67). – С. 111-120; Fitzgerald, T. *The ideology of religious studies*. N.Y.: Oxford University Press, 2000.

¹³ Ежова, Т.В. *К проблеме изучения педагогического дискурса // Вестник ОГУ – №2 (Февраль) – 2006. – Т. 1. – С. 52-56; Тягунова, Т.В. *Негативность различия и предел интерпретации в образовательном дискурсе // Идея университета: парадоксы самоописания*. – Минск: БГУ, 2002. – С. 213-219; Bernstein, B. *The Structuring of Pedagogic Discourse*. L.: Routledge, 1990.*

и другие¹⁴. В работах указанных авторов в контексте различных научных подходов и дисциплин изучаются проблемы субъектности, когерентности и полифакторности дискурса, а также его типологизирующих признаков.

Между тем научное использование понятия «дискурс» далеко от однозначности. Категория «дискурс» закрепляется в научном пространстве еще в Средневековье, однако, в истории науки, в том числе философии и культурологии, наблюдаются существенные трансформации смыслового содержания от эпистемологической интерпретации дискурса до понимания его как объекта, обладающего автономной онтологией. Во второй половине XX века дискурс начинает использоваться как философско-культурологическая категория, что связано преимущественно с двумя тенденциями. Во-первых, семиотическая и культурно-семиотическая традиция интерпретации культуры как системы знаково-символических форм и ценностно-концептуального содержания (как системы текстов) сталкивается с необходимостью категориального закрепления не только результатов кодирования и декодирования реальности (эту функцию выполняет категория текста), но и коммуникативно-когнитивных *процессов* порождения, воспроизводства и трансляции культурных смыслов. Во-вторых, повышенный интерес структурализма и постструктурализма к механизмам, условиям и структурам «производства знания, идентичности и культуры» также обуславливает потребность в категории, которая могла бы фиксировать объективные и субъективные аспекты процессуальной деятельности по трансляции и образованию смыслов в системе культуры. Эти две тенденции обусловили стремительную эскалацию термина «дискурс» в пространстве современных наук.

Вместе с тем, уже к концу XX века сложилась ситуация, в которой термин «дискурс» широко используется учеными, но в то же время не имеет точного научного определения, выражаясь в бесконечном множестве дефиниций. Термин «дискурс» становится «философски-модным», зачастую не выражая ничего определённого или, напротив, претендуя на «дефиниционную тотальность», в соответствии с которой «дискурсом» часто обозначается чрезмерно широкий спектр предметов. Тем не менее, неоднозначное использование этого термина следует трактовать и как свидетельство его актуальности, и как указание на неразрешенные проблемы методологического характера, выражающиеся в формулировании категориального и аналитического аппарата изучения смыслообразовательных и смыслорепродуктивных культурных процессов.

В российской философской и культурологической науке термин «дискурс» появился относительно недавно – в конце 80-х годов XX века – и первоначально представлял собой результат интеграции в отечественную философию и теорию культуры идей французского структурализма и постструктурализма, а также основных результатов аналитической философии, фило-

¹⁴ Александров, А.С. Введение в судебную лингвистику. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородской правовой Академии, 2003; Кротков, Е.А. Диагностическое познание. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006; Van Leeuwen, T.J. Discourse and Practice: New Tools for Critical Discourse Analysis. N.Y.: Oxford University Press, 2008.

софии языка и англо-американских лингвоаналитических теорий. В последнее десятилетие многие отечественные культурологи подчеркивают актуальность и методологическую значимость термина «дискурс» для исследований культуры. В той или иной мере к использованию термина «дискурс» и к изучению дискурсов культуры прибегают такие авторы, как А.А. Грякалов, И.Т. Касавин, С.С. Неретина, В.Н. Порус, В.М. Розин, В.П. Руднев, А.Я. Флиер и многие другие¹⁵. Большое значение для интеграции понятия «дискурс» в философские и культурологические исследования имеет интерпретация В.М. Розиним теории дискурса как «междисциплинарной площадки»¹⁶, позволяющей преодолеть изолированность и ограниченность узкоспециализированных наук о культуре, в том числе – отечественной культурологии. В контексте нашей работы ключевыми представляются базовые положения об унитарной многопараметральной модели дискурса, разработанные и обоснованные в работах Е.А. Кроткова¹⁷.

Наряду с бесспорно значимыми для изучения проблемы результатами работ вышеуказанных подходов, школ, направлений, авторов, их анализ дает основание сделать следующие *выводы* об исследовательских лакунах и перспективах современной методологии дискурсного анализа культуры:

- недостаточно ясно сформулированы методологические основания и специфика дискурсного подхода в культурологическом знании. Несмотря на достаточно активное использование категории дискурса в отечественной и зарубежной культурологии, пока не выработаны однозначно сформулированные теоретические положения, принципы и основания анализа дискурса как формы культуры;

- на сегодняшний день не существует общепринятой дефиниции дискурса в аспекте его смыслообразующего и смыслопродуктивного действий, а также отсутствует четко сформулированное представление о возможностях и ограничениях дискурсного анализа культуры;

- до сих пор не сформулированы положения методологического характера, которые бы позволили создать не узко дисциплинарную, а унитарную философско-культурологическую схему (модель) дискурса;

- в имеющихся исследованиях отечественных и зарубежных авторов не достаточно полно раскрыты параметры, принципы и основания спецификации дискурсов, которые бы способствовали более эффективной идентификации и экспертизе конкретных текстов культуры;

- в современных работах не сформулировано решение «проблемы субъекта дискурса», который трактуется либо как «эффект дискурса», либо как его функция, либо как его автор.

¹⁵ Грякалов, А.А. Письмо и событие: Эстетическая топография современности. – СПб: Наука, 2004; Касавин, И.Т. Текст. Дискурс. Контекст: Введение в социальную эпистемологию языка. – М.: Канон +, РООИ «Реабилитация», 2008; Порус, В.Н. Гуманитарное знание и последствия «лингвистического поворота» // Эпистемология и философия науки. – 2006. – №4. – С.50-55; Флиер, А.Я. Культурология для культурологов. – М.: Академический проект, 2002.

¹⁶ Розин, В.М. Культурология. – М.: Гардарики, 2003.

¹⁷ Кротков, Е.А., Носова, Т.В. Проект методологической программы изучения дискурсных практик // Человек в изменяющейся России: философская и междисциплинарная парадигма. – Ч. 1. – Белгород, 2007. – С. 50-55; Кротков, Е.А. Диагностическое познание. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006.

Несмотря на значительные достижения ряда подходов в изучении смыслообразующей деятельности в системе культуры, у исследователей все еще нет целостной и в то же время детальной картины о структурных и динамичных характеристиках дискурса в системе культуры, что связывается с определенными методологическими ограничениями того или иного подхода. Так, культурно-семиотический подход представляется крайне важным для анализа культуры как системы отношений между людьми, а также между человеком и природой, выраженных в знаках; но в то же время он в известной степени оставляет лакуны в понимании *процессуального* аспекта смыслотворчества и смысловыражения, системы возможностей и условий производства, актуализации и акцентуации семиотических отношений в культуре.

Объектом представленной работы является культура как система идей, ценностей, концептов и релевантных им моделей человеческого опыта и взаимодействия между людьми.

Предметом работы является дискурсная форма культуры, рассмотренная в аспекте методологических принципов, подходов и инструментов её изучения.

Целью работы является концептуализация дискурсной формы бытия культуры и обоснование методологии ее исследования.

Задачи работы:

1. Осуществить анализ категории культуры в системе её ключевых бинарных оппозиций и обосновать выделение дискурсной формы её бытия.
2. Выявить и классифицировать основные подходы к проблематизации дискурса в исследованиях культуры.
3. Разработать общую дефиницию понятия «дискурс», учитывающую многообразие его трактовок, и уточнить его сущностные черты в связи с коррелирующими понятиями.
4. Изучить функции дискурса в системе культуры как основание методологии его анализа.
5. Выделить и обосновать структурные компоненты (систему параметров) дискурса.
6. Проанализировать системообразующие связи между параметрами дискурса и выявить спецификации дискурсов в системе культуры.
7. На основании реконструкции концепции «археологии и генеалогии» дискурсных формаций Мишеля Фуко, а также теорий дискурса Мишеля Пешё, Жака Лакана и Фредерика Джеймисона определить характер институциональности дискурса в системе культуры.
8. Интерпретировать проблему субъекта дискурса.
9. Выявить специфику политического дискурса в аспекте его структурных компонентов и системообразующих связей между ними.
10. Осуществить философско-культурологическую интерпретацию религиозного дискурса как единства структурных компонентов, связей и отношений.
11. Интерпретировать юридический дискурс в контексте философско-культурологического подхода к изучению его структуры и системообразующих связей и отношений.

12. Определить специфику образовательно-педагогического дискурса на основе применения философско-культурологической модели анализа дискурса.

Теоретико-методологические основы диссертационной работы обусловлены спецификой объекта и предмета исследования, требующих использования разнообразных принципов, методов и подходов, позволяющих наиболее продуктивно реализовать поставленные цель и задачи. Теоретико-методологическую базу исследования составили:

– междисциплинарный подход, позволивший использовать основные теоретические достижения не только философии и культурологии, но и лингвистики, политологии, семиотики, психоанализа, социальной психологии, социологии в области изучения культуры и различных типов дискурса;

– диалектический подход, позволивший рассмотреть культуру в системе ее бинарных оппозиций, а также сформулировать представление о базовой проблеме дискурса, как специфицирующем его и системообразующем ключевом коммуникативно-когнитивном противоречии;

– системный подход, позволивший рассмотреть дискурс как форму культуры и как гибкую (мягкую) систему в единстве его параметров, значений и внутренних межпараметральных связей, обуславливающих его когерентность и динамику;

– функциональный подход, который был применен при рассмотрении функций как основы методологии изучения дискурса и при анализе прагматического аспекта дискурсных феноменов в культуре;

– семиотический и культурно-семиотический подходы, позволившие рассмотреть дискурс и как смыслообразующую деятельность, и как знаково-смысловую систему семантических, синтаксических и прагматических связей, а также выявить специфику взаимодействия единиц дискурса и культуры общественного института.

Научная новизна:

1. Проанализирован феномен культуры в системе бинарных оппозиций, что позволило обосновать выделение дискурсной формы ее бытия и установить возможности дискурсного подхода к интерпретации культуры.

2. Выявлены и классифицированы подходы к проблематизации дискурса в исследованиях культуры.

3. Классифицированы основные трактовки понятия «дискурс» в междисциплинарном научном поле, предложена общая дефиниция понятия «дискурс», учитывающая многообразие его трактовок, и уточнены существенные черты понятия «дискурс» в связи с коррелирующими понятиями «текст», «язык», «стиль», «речь» и «мышление».

4. Определена и описана методология анализа культурно-функциональных оснований дискурса.

5. Разработан и обоснован философско-культурологический подход к описанию структурных компонентов (построению системы параметров) дискурса и классификации дискурсов.

6. Проанализированы системообразующие связи и отношения дискурса, что позволило сформулировать основания его спецификации в системе культуры.

7. Определен характер институциональности дискурса, выражающийся в регламентации и дифференциации социокультурных практик и отношений, нормализации и стандартизации когнитивно-коммуникативной деятельности, категоризации и систематизации ценностно-смыслового поля культуры.

8. Интерпретирована проблема субъекта как необходимого основания и условия дискурса.

9. Выявлена специфика политического дискурса в аспекте его структурных компонентов и системообразующих связей между ними.

10. Осуществлена философско-культурологическая интерпретация религиозного дискурса как единства структурных компонентов, связей и отношений.

11. Интерпретирован юридический дискурс в контексте философско-культурологического подхода к изучению его структуры и системообразующих связей и отношений.

12. На основе применения философско-культурологической модели анализа дискурса определена специфика образовательно-педагогического дискурса.

Положения, выносимые на защиту:

1. Ретроспективный анализ подходов к интерпретации культуры позволил выявить основные бинарные оппозиции, которые, с одной стороны, фиксируют ее основные аспекты и, с другой стороны, выражают содержание научных дискуссий о сущности культуры. К таким бинарным оппозициям относятся: «универсальное – уникальное», «означающие – означаемые», «социализация – интериоризация», «индивидуальное – общественное», «диалог – монолог», «структура – жизненное поле», «регламентация – творчество», «процесс – результат», «язык и действительность», «мышление и действительность», «контекст и текст». Выделение этих бинарных оппозиций актуализирует проблему диалектической связи между формой и содержанием культуры. Мы интерпретируем форму культуры как упорядоченный способ репрезентации её содержания (идей, ценностей, концептов, моделей опыта и взаимодействия). Трансформационный, событийно-деятельностный и смыслопорождающий потенциал культуры требует выделения *дискурсной* формы её бытия, под которой мы понимаем коммуникативно-когнитивный, процессуально-динамический, генеративно-трансформационный план выражения смысловых компонентов культуры.

2. Изучение становления, развития и современного состояния категории дискурса в науке о культуре позволяет выделить четыре наиболее разработанных подхода к его проблематизации: формальный, прагматический, структурно-функциональный и критический. Различие между подходами заключается в оценке функций и места дискурса в системе культуры, в акцентуации его различных аспектов, а также в интерпретации связи между дискурсом, субъектом и социокультурной действительностью. В то же время в современной философии и теории культуры назрела объективная необходимость формулирования основ общей теории и методологии дискурса, которая сможет интегрировать все преимущества указанных подходов, а также учесть результаты, полученные в различных отраслях социально-гуманитарного знания.

3. В соответствии с типами подходов к проблематизации дискурса выделяются четыре основные его трактовки – формальная, прагматическая, структурно-функциональная и критическая. Осуществляя попытку совмещения этих трактовок, мы предлагаем следующую дефиницию: *дискурс – это регламентируемая определенными историческими и социокультурными кодами (традициями) смыслообразующая и воспроизводящая деятельность, рецепция которой формирует или изменяет картину мира и модели опыта человека*. Дискурс как коммуникативно-когнитивное процессуальное явление реализуется посредством тематически выраженных семиотических образований (текстов в широком смысле) в единстве их лингвистического, ментального и предметного аспектов (плана выражения и плана содержания). Уточнив содержание понятия «дискурс» в связи с коррелирующими понятиями «текст», «язык», «стиль», «речь», «мышление», мы утверждаем следующее: использование категории дискурса в культурологическом исследовании позволяет зафиксировать процессуально-деятельностный аспект смыслообразования и смысловоспроизводства в системе культуры; определить нормирующее и ограничивающее действие знаково-символических культурных форм; выявить генерирующий, репродуктивный и трансформирующий культурно-семиотический потенциал; описать условия и механизмы производства и трансформации текстов культуры, а также изучить стратегии институционализации и легитимации общественных отношений знаково-символическими средствами.

4. На основании изученных теорий и концепций дискурса, предложенной дефиниции термина «дискурс» и учитывая процессуально-деятельностную природу дискурса, мы выделяем *когнитивную, ценностную, конструирующую и информационно-коммуникативную* функции дискурса в системе культуры. Эти функции направлены на формирование и воспроизводство смыслов культуры, а также регламентируемых ими социокультурных практик. В рамках каждой функции дискурса формулируются свои специальные критерии результативности и оценочные характеристики (например, «логично – нелогично», «эффективно – неэффективно», «желательно – нежелательно», «приемлемо – неприемлемо», «полезно – бесполезно» и т.д.).

5. Предлагаемый нами философско-культурологический подход к изучению дискурса предполагает анализ культурно-обусловленных структурных компонентов дискурса и связей между ними, а также определение интегрирующей дискурс коммуникативно-когнитивной проблемы. Решение этой стратегической задачи предполагает построение открытой (незамкнутой) модели дискурса, представляющей собой гибкую (мягкую) систему коррелирующих параметров. На основании предложенной дефиниции дискурса мы относим к его параметрам следующие: онтологический (предметная область дискурса), телеологический (цели дискурса), языковой (языковые, стилистические и жанровые средства, а также речевые акты), когнитивный (формы, методы и процедуры познания), текстовый (типы и виды текстов), контекстный (типы и виды контекстов) и коммуникативный (статусы, роли, условия, способы и сферы общения). Содержание каждого из параметров может служить основанием классификации (логического деления) дискурсов. Откры-

тость предложенной модели означает возможность выделения и иных параметров дискурса, которые могут быть в дальнейшем обнаружены в культурологических и социально-гуманитарных исследованиях.

6. Системообразующие связи между структурными элементами дискурса (межпараметральные корреляции) разделяются на ментально-когнитивные (представленные феноменами сознания и познания субъекта дискурса) и социально-коммуникативные (представленные феноменами общения субъектов дискурса). Функции и базовая коммуникативно-когнитивная проблема, выраженные, главным образом, в телеологическом и онтологическом параметрах дискурса, определяют содержание всех структурных компонентов дискурса и их корреляции. Анализ базовой проблемы дискурса, содержания и иерархии его структурных компонентов (параметров) позволяет установить его специфику, в то время как на основе изучения межпараметральных корреляций выявляется степень когерентности, открытости, динамики дискурса, а также его границы. Диагностика социально-коммуникативных корреляций позволяет определить репродуктивный характер культуры, а ментально-когнитивных – её генеративный характер. Распознавание аутентичного смысла высказываний в дискурсе возможно благодаря анализу не столько тематики, сколько границ дискурса, то есть тех дискурсных пространств, где возникают энтропийные процессы в отношении смысловых структур.

7. Реконструкция «археолого-генеалогической» концепции дискурса Мишеля Фуко, а также теории дискурса Мишеля Пешё, Жака Лакана и Фредерика Джеймисона позволяет определить характер институциональности дискурса, выражающийся в регламентации, традиционализации и дифференциации социокультурных практик и отношений, нормализации и стандартизации когнитивно-коммуникативной деятельности, категоризации и систематизации ценностно-смыслового поля культуры. В то же время дискурсные практики не сводятся исключительно к регламентации деятельности и мышления, но предполагают и творческую (созидающую и преобразующую) деятельность субъекта.

8. Мы понимаем субъекта дискурса как необходимое его условие. Субъект и генерирует дискурс, и испытывает его принуждающее действие. Однако даже в условиях дискурсной регламентации у субъекта есть реализуемая им свобода интерпретации, следования и установления правил дискурса. Следование дискурсному принуждению свидетельствует о стремлении человека к сохранению, воспроизводству и адаптивной трансформации культурного опыта. Наличие такой свободы и такого стремления обуславливает рефлексивный, интенциональный и преимущественно рациональный характер дискурса.

9. Функциональный аспект политического дискурса связан в большей степени с конструированием особого типа реальности и отношений, и в меньшей – с отражением действительности. Ключевыми концептами являются «власть», «политика», «доминирование и подчинение». Политический дискурс строится относительно решения проблемы власти и цели достиже-

ния, поддержки и воспроизведения власти. Цель конструирования политической реальности достигается в политическом дискурсе с помощью оперирования неоднозначными представлениями об объектах, не строго определенными понятиями, а также амбивалентными представлениями об адресатах политических высказываний. Политическая дискурсная практика организуется таким образом, что «размытость» её основных категорий способствует включению в её поле большего числа субъектов. Инструменты политического дискурса гораздо богаче политических целей, что обуславливает манипулятивный характер дискурса – в частности, возможность вуалировать базовую цель достижения и удержания власти.

10. Параметры религиозного дискурса обусловлены воздействующей и ценностной функциями и выражают его «внутреннее напряжение», связанное с невозможностью рационального (языкового) выражения мистического опыта и духовных переживаний. К базовым концептам религиозного дискурса относятся «вера», «Бог», «спасение». Религиозный дискурс выступает как механизм актуализации ценностно-нормативных и догматических основ религии, а также как средство контроля и регуляции соответствия действий и мыслей индивида установленным религиозным стандартам. Он представляет собой в высокой степени суггестивное и рефлексивное явление; его рефлексивность не сводится исключительно к рациональным механизмам обоснования и объяснения, но имеет отношение также и к догматическим нормам интерпретации. Условие веры требует от субъекта «внутреннего усилия» при осуществлении религиозной дискурсной практики.

11. Когнитивная и конструирующая функции юридического дискурса рационализируются в целях нормирования, диагностики, контроля общественных отношений. Ключевыми концептами юридического дискурса являются «право», «закон», «свобода». Базовые тексты в значительной степени предопределяют содержание остальных параметров дискурса юридической культуры. Юридический дискурс организуется относительно решения проблемы регулирования *социальных* отношений между индивидами, что предопределяет его «отчуждающее» действие в отношении субъекта дискурса. «Отчуждение» права достигается с помощью языковых средств и речевых актов, особенностей организации познавательного процесса, формализации коммуникации, снижения значимости экзистенциального контекста дискурсной практики. Объективная реальность и составление суждений о ней обусловлены в юридическом дискурсе риторическими, формально-логическими, аргументативными средствами. Оценка истинности юридических высказываний осуществляется не только на основе их соответствия внеязыковой реальности, но и на основе их соответствия предыдущим текстам, высказываниям, понятиям, а также формально-логическим нормам и носит ригорический характер.

12. Информационно-коммуникативная и когнитивная функции являются системообразующими для образовательно-педагогического дискурса. Специфика этого типа дискурса связана с особенностями когнитивных процессов адресатов, а также с характером и условиями учебно-воспитательного

взаимодействия. Ключевыми концептами являются «личность», «индивид», «знания», «умения», «навыки», «социализация». Проблема образовательно-педагогического дискурса имеет два аспекта. Во-первых, она выражается в поиске и реализации адекватных когнитивных и коммуникативных средств, репрезентирующих идеалы образования и обеспечивающих социализацию субъектов. Во-вторых, она связана с противоречием между индивидуально-личностными свойствами и опытом с одной стороны и унифицирующим характером культурного института образования – с другой. Эта проблема проявляется как различие базовых предметов дискурса («индивид» и «личность»), как конфликт между самовосприятием ученика и его педагогической описательной «моделью», как рассогласование между экзистенциальным контекстом дискурса и формированием социокультурных субъектов. Результатом образовательно-педагогического дискурса является не только передача определенных ценностей, знаний и навыков, но и формирование дискурсной компетентности индивида, а также легитимация права выражения некоторого мнения в определенной социокультурной сфере.

Теоретическая и практическая значимость исследования. В данной работе предложены методологические принципы, подходы и инструменты анализа дискурса как сложного, динамичного и открытого явления культуры. Предложенная дефиниция и интерпретация содержания категории дискурса могут способствовать консолидации междисциплинарных дискурсных исследований. Дискурсная матрица культуры, предложенная в данной работе, может послужить для идентификации и спецификации дискурсных единиц, а также для прогнозирования развития и совместимости различных дискурсов в системе культуры.

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы при разработке концептуального и методологического аппарата культурологических исследований социокультурных феноменов, а также для разработки методологии комплексных исследований культурных институтов и дискурсных практик.

Представленные результаты диссертации могут использоваться при разработке учебно-методических материалов, в преподавании курсов философии, культурологии, политологии, теории права, педагогики, религиоведения, спецкурсов по проблемам коммуникации, а также при написании курсовых и выпускных квалификационных работ.

Апробация результатов исследования. Основное содержание диссертации нашло отражение в монографиях и статьях, в том числе опубликованных в журналах из списка ВАК. Результаты исследования апробированы в разработке учебных курсов «Основы теории коммуникации», «Современные теории массовой коммуникации», «Методы изучения общественного мнения», в спецкурсах «Дискурс-анализ СМИ», «Качественные методы социального исследования», «Межкультурные коммуникации», прочитанных на факультете журналистики и на социально-теологическом факультете Белгородского государственного университета. Материалы диссертации обсуждались на Ме-

ждународном конгрессе Ассоциации исследователей СМИ и массовой коммуникации (IAMCR) «Media and global divides» (Стокгольм, 2008), Первом Российском культурологическом конгрессе (Санкт-Петербург, 2006), 4-й Международной конференции «Коммуникация в современной парадигме социального и гуманитарного знания. Коммуникация – 2008» (Москва, 2008), а также на всероссийских и международных симпозиумах, конференциях, научных школах, семинарах и чтениях: «Коммуникативные стратегии культуры» (Новосибирск, 2002), «Социальная идентичность в изменяющемся обществе» (Новосибирск, 2005, 2006, 2007), «Предъявления мира в гуманитарных дискурсах XXI века» (Луганск, 2008, 2009), «Дискурсология: методология, теория, практика» (Екатеринбург, 2007), «Дискурсный подход к изучению науки и культуры» (Белгород, 2004, 2007, 2008), «Журналистика – 2008» (Минск, 2008), «Журналистика и медиаобразование» (Белгород, 2007, 2008), «Розетовские чтения» (Минск, 2007), «Векторы развития современной России» (Москва, 2007), «Политический дискурс в России» (Москва, 2007), «Человек в изменяющейся России: философская и междисциплинарная парадигма» (Белгород, 2006), «Нарративные измерения коммуникации» (Тернополь, 2003), «Политики субъективации в университетском образовании» (Минск, 2006), «Коммуникативный поворот современного образования» (Минск, 2004), «Гуманитарные науки: вызовы и достижения» (Бургас, 2004), «Социокультурная динамика региона» (Белгород, 2003), «Коммуникация, диалог, дискурс» (Белгород, 2003), «Образование. Наука. Производство» (Белгород, 2002), «Синергетика в современном мире» (Белгород, 2000) и ряде других, общим числом более 20.

Результаты исследования нашли отражение в научных проектах и грантах: гранте Минобразования России и Администрации Белгородской области 2003-2004 гг. «Проблема культурно-идеологических проектов в современной западной философии» и гранте Белгородского государственного университета «Построение унитарной модели дискурса» (№ ВКГ 180-07).

Основные результаты работы над темой диссертации были также апробированы в рамках участия в международной программе академического обмена (Луисвильский Университет, США, 2006).

Некоторые результаты работы получили апробацию в ходе руководства подготовкой диссертации Переверзева Е.В. на тему «Философско-культурологический анализ политического дискурса КНР», представленной на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры (защита состоялась 29.06.2008).

Результаты диссертационного исследования докладывались и обсуждались на методологических семинарах и заседаниях кафедры философии, а также кафедры языка и стили массовых коммуникаций Белгородского государственного университета.

Структура работы. Работа включает содержание, введение, 4 главы, заключение, список литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во Введении обосновывается актуальность выбранной темы, характеризуется степень научной разработанности проблемы, определяются цель, задачи, объект, предмет, теоретико-методологическая основа, раскрывается научная новизна и формулируются положения, выносимые на защиту, отражается апробация результатов исследования.

Первая глава «Культура и дискурс в методологическом пространстве» посвящена анализу методологических оснований, историческим аспектам изучения культуры и дискурса, базового понятийного аппарата и категорий, имеющих основополагающее значение для исследования культуры в междисциплинарном пространстве, обосновывается дискурсивный подход к анализу культурных феноменов.

В первом параграфе «Категория культуры как система бинарных оппозиций: ретроспективный анализ» рассматриваются основные представления о культуре и ее трактовки, сформулированные в истории философии, культурологии и социально-гуманитарных наук. Обзор наиболее значимых из них позволяет выделить философскую, историческую, антропологическую, социологическую, семиотическую и другие традиции понимания сущности и форм бытия культуры. Каждая из них обращает внимание на определённые аспекты бытия культуры и содержит те или иные её дефиниции, наиболее существенные из которых рассматриваются в работе. С точки зрения автора наиболее полным на сегодняшний день является определение культуры, предложенное А.Я. Флиером¹⁸: эта дефиниция репрезентирует ключевые подходы к интерпретации сущности культуры, а также фиксирует основные ее аспекты и формы. В данной работе культура трактуется как сфера человеческого бытия, в которой человек преодолевает (но не отменяет) границы его биологического естества, создавая новую реальность (преобразуя природную), в которой человечество утверждает себя как фактор космического (божественного) плана. В качестве рабочего определения автор использует следующее: культура – это *система идей, ценностей и концептов и релевантных им моделей человеческого опыта и взаимодействия между людьми*.

Анализ содержания понятия «культура» и подходов к ее изучению позволяет автору заключить о наличии ряда бинарных оппозиций, которые, с одной стороны, характеризуют культуру в единстве всех ее аспектов и, с другой стороны, выражают основное содержание научных дискуссий о сущности культуры и методологии ее изучения. В качестве основных бинарных оппозиций автор выделяет следующие: «универсальное – уникальное», «означающие – означаемые», «социализация – интериоризация», «индивидуальное – общественное», «диалог – полилог», «структура – жизненное поле», «регламентация – творчество», «процесс – результат», «язык и действительность», «мышление и действительность», «контекст и текст».

Выделение бинарных оппозиций актуализирует также проблему наличия множества форм культуры, к которым традиционно относят материальную, духовную, субъектную, знаково-символическую и институционально-

¹⁸ Флиер, А.Я. Культура // Культурология. XX век. Энциклопедия. – Том 2. – СПб.: Университетская книга, 1998. – С. 336.

поведенческую (П.С. Гуревич, Г. Драч, В.Е. Давидович, А.Я. Флиер). Под *формой культуры* автор понимает устойчивый во времени и пространстве способ организации культурного содержания, его внешнее выражение, материальное представление смыслов культуры. К *содержанию культуры* относятся ценности, идеи, концепты, модели опыта и взаимодействия между людьми. Интерпретируя форму бытия культуры как упорядоченный способ репрезентации её содержания с помощью знаков, автор подчеркивает семиотический характер культуры и указывает на одну из важнейших ее форм – знаково-символическую. Однако знаково-символическая форма не исчерпывает всей сложности семиотических отношений между формой и содержанием культуры, поскольку воспроизводство, производство и трансляция смыслов культуры представляют собой не только и не столько *результат* человеческой деятельности (уже совершенный в прошлом семиозис), но и саму *деятельность*, процесс, событие. Знаково-символическая форма культуры является предметом ретроспективного анализа и традиционно находится в центре исследовательского внимания культурно-исторического и культурно-семиотического подхода к пониманию культуры, в то время как её трансформационный, событийно-деятельностный и смыслогенерирующий потенциал требует выделения её дискурсной формы. Под *дискурсной формой культуры* в работе понимается коммуникативно-когнитивный, процессуально-динамический план выражения смысловых компонентов культуры (идей, ценностей, концептов, моделей опыта и взаимодействия). Дискурсная форма культуры не только выражает содержание культуры, но и реализует генеративные и трансформативные функции в его отношении.

Автор рассматривает *дискурсную методологию* в качестве подхода, предполагающего философско-культурологическую интерпретацию культуры, в которой гармонично интегрируются все указанные бинарные оппозиции, раскрывается взаимодействие между дискурсной формой и содержанием культуры, а также фиксируется событийность как её атрибутивное свойство. Дискурсная форма бытия культуры может быть рассмотрена только в призме характеризующих её бинарных оппозиций.

Во втором параграфе «Дискурсная проблематика в исследованиях культуры» рассматриваются становление и развитие понятия «дискурс» в истории науки, а также выделяются историко-научные основания наиболее значимых подходов и направлений изучения дискурса в науках о культуре.

Использование понятия «дискурс» в научной практике связано, главным образом, с индивидуализацией языковой коммуникации, «когда тексты начали избавляться от анонимности и вставал вопрос об их генезисе в процессе личного творчества»¹⁹, то есть в эпоху Возрождения. В XVI-XVIII веках дискурс становится синонимом аргументированной научной речи, направленной на изучение природы вещей и общества.

К XIX веку понятие дискурса начинает сосуществовать одновременно в двух сферах. В области точных наук дискурсом обозначают корректное в формально-логическом отношении, систематичное и целенаправленное на-

¹⁹ Касавин, И.Т. Дискурс-анализ как междисциплинарный метод гуманитарных наук // Эпистемология и философия науки. – Т. X. – №4. – 2006. – С. 7.

учное мышление, а в области эстетики и литературы – интроспективное, рас-судочное, «свободное» выражение мысли, не обязательно носящее научный характер. Такое «расщепление» сферы использования термина «дискурс» крайне важно для понимания многообразия его дефиниций и подходов его изучения, которые возникли и интенсивно развились в XX веке.

В конце XIX – первой трети XX века интерес к дискурсной проблематике вновь возрастает в связи с «лингвистическим поворотом» и в целом с развитием аналитической и лингвистической философии. В рамках этой парадигмы исследовательский акцент смещается с метафизики сознания и картезианского *cogito* на проблему языка как предельного онтологического основания мышления и деятельности. Дискурс, таким образом, переходит из области эпистемологических в сферу онтологических категорий.

К середине 80-х годов XX века дискурс как предмет научного исследования становится одним из центральных для ряда относительно независимых направлений и школ, многие из которых первоначально были в той или иной степени лингвоориентированными. Дискурсная проблематика, категория дискурса и собственно дискурс-анализ получают дальнейшее развитие «за пределами» лингвистики – в сфере философии, культурологии и социально-гуманитарных наук.

Теории дискурса в XX веке в основном относятся к двум направлениям: немецким и французским школам. Немецкая школа основана, с одной стороны, на идеях Канта о дискурсе как форме логического познания и, с другой стороны, на англо-американских теориях речевых актов. Это направление продолжает ту исследовательскую традицию, которая в конце XIX века постулировала дискурс как нормативное формально-логическое образование. Французская школа, с одной стороны, базируется на критике рациональности Ницше, Хайдеггера и Бергсона и, с другой стороны, интегрирована в структуралистские и постструктуралистские парадигмы. Развивая другую заложенную в конце XIX века традицию – изучение дискурса как риторического и эстетического образования, это направление отождествляет дискурс с художественными формами культуры, с феноменом власти и рассматривает его в непосредственной связи с социокультурными отношениями.

Классификация разновидностей дискурс-анализа основана на анализируемом аспекте дискурса. Так, в работе предлагается выделять четыре основные группы подходов к изучению дискурса: формальные, прагматические, структурно-функциональные и критические.

Формальный дискурс-анализ представляет собой, скорее, лингвистический анализ языковых явлений в устной и письменной речи; *прагматические* подходы ориентированы на изучение экстралингвистических измерений дискурса; *структурно-функциональные* теории дискурса фиксируют свое внимание на идеологическом, культурно-деятельностном и когнитивном аспектах функционирования дискурса; в *критическом* дискурс-анализе основной целью является обнаружение и анализ властных отношений, представленных в дискурсе.

Сравнение этих подходов позволяет заключить, что дискурс в них мыслится в диалектической связи с субъектом и действительностью и занимает определенное место в иерархии этих категорий.

Перед дискурсным подходом к изучению культуры стоит задача разработки универсальной теории дискурса, основанной на расширенной трактовке содержания понятия «дискурс» и, в целом, – на переводе дискурс-анализа в сферу философии и теории культуры. По мнению автора, создание прочной философско-культурологической основы позволит объединить возможности и достижения указанных подходов и интегрировать результаты смежных социально-гуманитарных дисциплин в философско-культурологическое знание.

В третьем параграфе «Понятие «дискурс» в философско-культурологическом категориальном контексте» предложена классификация и характеристика основных трактовок понятия «дискурс», сформулирована авторская общая дефиниция дискурса и сопоставлено содержание понятия «дискурс» с коррелирующими понятиями «текст», «язык», «стиль», «речь» и «мышление».

Автор развивает идею многообразия дефиниций дискурса и предлагает типологию, основанную на различении аспектов дискурса и модифицирующую типологию подходов к изучению дискурса, предложенную М. Макаровым²⁰.

В формальной трактовке дискурс рассматривается как относительно завершенное в смысловом и структурном отношении речевое произведение; как система языковых, грамматических и формально-структурных характеристик. В прагматической трактовке дискурс определяется как субъективированный целенаправленный, мотивированный, осознанный коммуникативный акт или процесс, как лингвосоциальная форма взаимодействия в социальном контексте, а также как результат семиотической деятельности. В структурно-функциональной трактовке дискурсом обозначается любой способ существования (или использования) языка в социальном контексте. Дискурс мыслится в категориях агентивности и понимается как «живой агент» социальных ситуаций. Согласно критической трактовке, дискурс рассматривается как корпус предписаний и их практического выражения в целях рационализации, оценивания и «идеологизации» социальных фактов. Дискурс интерпретируется как автономное образование, предопределяющее коммуникацию, деятельность и психические характеристики.

Вышеперечисленные трактовки позволяют выделить ряд аспектов дискурса – синтактико-грамматический, семантический, прагматический, рефлексивный, коммуникативный. Предпринимая попытку отражения всех аспектов дискурса в дефиниции, автор предлагает следующее определение: дискурс – это регламентируемая определенными историческими и социокультурными кодами (традициями) смыслообразующая и воспроизводящая деятельность, рецепция которой формирует или изменяет картину мира и модели опыта человека. Дискурс как коммуникативно-когнитивное процессуальное явление реализуется посредством тематически выраженных семиотических образований (текстов в широком смысле) в единстве их лингвистического, ментального и предметного аспектов (плана выражения и плана содержания).

²⁰ Макаров, М. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – С. 83-99.

Принципиальными различиями между *дискурсом* и *текстом* автор считает следующие: дискурс принадлежит к сфере социальных действий, а текст – к сфере ментальных конструкторов; дискурс обладает таким свойством, как реальное лингвосоциальное речепроизводство; дискурс относится к событийности, а текст – к повторяемости или предзаданности. Дискурс включает в себя языковые и экстралингвистические практики, нацеленные на производство, рецепцию и понимание текстов.

Демаркация между понятиями «*дискурс*» и «*язык*» сводится к следующему. Правила языка, составляющие предмет исследования лингвистики, – это лишь часть правил, управляющих производством и рецепцией речевой продукции. Дискурс, обладая характеристиками динамичности, конкретности, интеракциональности, производительности, актуализирует язык и трактуется как утилитарное выражение и рецепция языка и текстов, корпус конкретных условий и правил смыслообразования.

Различия между понятиями «*дискурс*» и «*речь*» состоят в следующем. Под речью традиционно понимают реализуемую человеческую способность к реализации коммуникативной задачи, к физическому говорению; в этом смысле речь представляется феноменом, детерминированным скорее речемыслительными способностями индивида и языком, а не контекстом выражения. Дискурс, в свою очередь, понимается в этой связи как единство текста и контекста, как «речь, погруженная в жизнь» (Н.Д. Арутюнова).

Сопоставляя объем понятий «*дискурс*» и «*стиль*», автор указывает, что, стиль, трактуемый как «свойство плана выражения» (Н.С. Валгина), соотношенное с типом социально-коммуникативной деятельности, реализует определенное содержание культуры (идеи, ценности, концепты), в то время как дискурс – это способ как репрезентации, так и конструирования и трансформации содержания. В этом смысле «переключение» с одного на другой «дискурсный режим» может менять культурное содержание. Во-вторых, стиль определяется в основном коммуникативными, речевыми и «микросоциальными» контекстами, формами, условиями и типами общения; в то время как дискурс – историко-культурными типами рационализации.

Термином «*мышление*» обозначается человеческая познавательная деятельность, обладающая процессуальностью и интенциональностью. Мышление трактуется как дискурс в формах индивидуальной психической деятельности, как интериоризированный дискурс, в то время как дискурс может пониматься как экстернализованное мышление.

Автор приходит к следующим выводам. Во-первых, понятия «дискурс», «язык», «текст», «речь», «стиль», «мышление» не образуют оппозиционные (дихотомные) пары, а соотносятся друг с другом либо как родовое и видовое понятие («дискурс» и «текст», «дискурс» и «речь»), либо как аспекты одного феномена («дискурс» и «язык», «дискурс» и «стиль», «дискурс» и «мышление»). Во-вторых, использование категории дискурса в культурологическом знании позволяет зафиксировать процессуально-деятельностный аспект смыслообразования и смысловоспроизводства в системе культуры; определить нормирующее и ограничивающее действие зна-

ково-символических культурных форм; выявить производящий, воспроизводящий, трансформирующий и креативный культурно-семиотический потенциал; описать условия и механизмы производства и трансформации текстов культуры, а также изучить стратегии институционализации и легитимации общественных отношений знаково-символическими средствами.

Во второй главе «Дискурсная матрица культуры» автор описывает функции дискурса в культуре как основание методологии его анализа, что позволяет сформулировать философско-культурологический подход к изучению дискурса как формы бытия культуры.

В первом параграфе «Методология исследования культурно-функциональных оснований дискурса» рассматриваются основания методологии анализа дискурса. Учитывая процессуально-деятельностную природу дискурса, к таким основаниям автор относит функции, выполняемые дискурсом в системе культуры – *когнитивную, ценностную, конструирующую и информационно-коммуникативную* функции дискурса.

Когнитивная функция дискурса представляется одной из ведущих в силу того, что содержание культуры формируется, выражается, распространяется и поддерживается через язык и с помощью языка. Эта функция выражается в том, что с его помощью коммуниканты описывают, объясняют положение вещей в определенной предметной области, строят прогнозы и предположения. В рамках этой функции реализуется механизм означивания действительности, создания и закрепления знания в дискурсных практиках. Основными критериями результативности дискурса в рамках этой функции являются «истинно – ложно». Автор подчеркивает, что когнитивная функция дискурса предполагает не столько формирование и распространение определенного знания в определенном культурном пространстве, сколько создание условий для возникновения данного знания.

Ценностная функция дискурса выражается в том, что с его помощью индивиды дают оценку положению вещей, формируют определенное отношение к ним. В аспекте ценностной функции дискурс выступает как механизм регулирования общественного сознания. Главными критериями результативности дискурса в аспекте этой функции являются «желательно – нежелательно», «приемлемо – неприемлемо». Ценностная функция ориентирована также на формирование и поддержание культурных ценностей, легитимацию социокультурных практик и в том числе – создание ценностных ориентиров, в соответствии с которыми проходит разграничение легитимного и нелегитимного в социокультурном пространстве.

В аспекте *конструирующей* функции дискурса коммуниканты создают образ желательного или необходимого, проектируют будущее положение вещей и формируют нормы его построения. Дискурс выступает в качестве механизма воспроизводства социокультурной реальности. Критериями результативности дискурса являются «должно – не должно», «нормально – ненормально», «эффективно – неэффективно».

Информационно-коммуникативная функция предполагает, что с помощью дискурса люди оказывают определенное воздействие друг на друга

(убеждают, переубеждают, сообщают, принуждают и так далее), а также распространяют информацию о состоянии дел. Основными критериями результативности дискурса в аспекте этой функции являются «полезно – неполезно», «эффективно – неэффективно». В таком отношении любое высказывание в рамках дискурса интерпретируется как действие и поступок, совершенный в определенном контексте.

Во втором параграфе «Структурные компоненты дискурса и проблема классификации дискурсов» описана и обоснована авторская модель анализа дискурса, представляющая собой систему культурно-обусловленных структурных компонентов и связей между ними, а также интегрирующей дискурс коммуникативно-когнитивной проблемы.

Исходя из предложенного ранее определения дискурса, его презентаций другими авторами и подходов к его изучению, автор определяет следующие аспекты его анализа²¹: а) *синтаксические и стилиевые характеристики дискурса*, б) *семантика языка дискурса*, в) *когнитивные структуры дискурса*, г) *прагматика дискурса*, д) *дискурсная рефлексия*. Аспекты а) и в) соответствуют формальной трактовке дискурса, б), г) и д) – прагматической, а), в) и д) – структурно-функциональной, б), в) и г) – критической. Из этого видно, что дискурс является предметом междисциплинарного анализа, поскольку только комбинация трактовок дискурса и подходов к его изучению позволяет рассмотреть все его аспекты.

В рамках решения этой междисциплинарной задачи автор предлагает философско-культурологическую открытую (незамкнутую) модель дискурса, которая представляет собой гибкую (мягкую) систему коррелирующих параметров.

К основным *параметрам* дискурса относятся следующие: *телеологический* параметр (цели дискурса: например, описание, прогноз, интерпретация, нормирование, технологизация); *онтологический* параметр (природа реальности и типы объектов, номинируемых в дискурсе: например, математические, физикалистские, гуманитарные или физические, психические, социальные, виртуальные); *языковой* параметр (речевые акты, языковые средства, стилистические и жанровые средства: например, метафоры, сравнения, термины, жаргон); *когнитивный* параметр (логические средства, а также формы и методы познания, конструирования и воспроизводства знания: например, репрезентация, конвенция, категоризация, интерпретация); *контекстный* параметр (типы контекста, в которых реализуется дискурс: например, экзистенциальный, грамматический, ситуационный, психический); *текстовый* параметр (типы текстов, воспроизводимых в дискурсе: например, нарративы, тезисные тексты, референциальные тексты); *коммуникативный* (статусно-ролевые характеристики коммуникантов, условия, стратегии и способы общения).

Все вышеперечисленные параметры связаны с аспектами дискурса, конкретизируют их в эмпирически фиксируемых явлениях и направлениях анализа. Так, семантический аспект дискурса конкретизируется в онтологическом и языковом параметрах; синтактико-стилистический – в онтологическом, телеологи-

²¹ См. также: Кротков, Е. А. Диагностическое познание. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006.

ческим, языковым и текстовом; когнитивный – в собственно когнитивном, а также в онтологическом и контекстном параметрах; прагматический – в телеологическом, коммуникативном и контекстном; рефлексивный – в когнитивном, телеологическом, контекстном, коммуникативном параметрах.

Автор подчеркивает открытый характер философско-культурологической модели дискурса: это означает, что предложенный набор параметров является незавершенным, и могут быть выделены иные параметры в ходе изучения специфичных типов дискурса в рамках таких дисциплин, как культурология, семиотика, социология, политология, психология и других.

Содержание (значения) параметров, составляющих структуру дискурса, могут выступать в качестве логического деления (классификации) дискурсов. Так, на основании выделения целей дискурса – описания, нормирования, технологизации, интерпретации, прогноза – можно говорить о дескриптивном, нормирующем, технологическом, интерпретирующем, прогностическом дискурсах; на основании типов текстов можно выделить нарративный, тезисный, референциальный и другие типы дискурсов; на основании выделяемых методов познания целесообразно различать репрезентирующий, конвенциональный, категоризирующий и другие типы дискурса; и т.д.

Третий параграф «Системообразующие связи и отношения дискурса» посвящен объяснению принципов взаимосвязи и системообразования дискурса как системы параметров.

Разработанная автором философско-культурологическая модель дискурса представляет собой систему не только параметров, но и факторов, интегрирующих и «сцепляющих» их в единое целое. К таким факторам автор относит функции и базовую проблему дискурса. Под базовой проблемой понимается явно или неявно сформулированный вопрос или комплекс вопросов, возникших в ходе познания и конституирующих содержание, характер и тип дискурса. Автор подчеркивает коммуникативный характер процесса решения базовой проблемы, которое определяется в ходе общения, а значит, зависит в значительной степени от культурного, социального, психического опытов коммуникантов. Дискурс может иметь совершенно определенные характеристики в конкретную историко-культурную эпоху; более того, то или иное его содержание часто может маркироваться как «неуместное», «неистинное», «опасное» и так далее. Это говорит о том, что в разных исторических и социокультурных условиях разные ключевые вопросы ложатся в основу дискурса.

В условиях коммуникации дискурсная проблема выражается и переживается субъектами в форме дискурсно-речевого конфликта («нехватки средств выражения»), характеризующегося тем, что субъект испытывает затруднения в развитии темы, выражении и формировании знания, ориентации в точках зрения, нормах и предписаниях к речевому поведению, оценке контекста общения, etc. Подобный дискурсно-речевой конфликт как *индикатор осознания субъектом дискурсной проблемы* возникает из побуждения говорящего не просто «конструировать речь» из доступных и известных ему языковых элементов, но, главным образом, адаптировать языковой и текстовый потенциал изменяющемуся контексту.

Дискурсная практика в значительной степени есть не столько некоторый упорядоченный набор элементов, сколько система неоднородных связей, делающих возможной эти элементы и «вдыхающих жизнь» в устойчивую структуру дискурса. Связность, динамика и границы дискурса зависят не только от когнитивных усилий индивида, но и в равной степени от принуждающего действия Другого. В данном случае речь идет о наличии межпараметральных корреляций.

Специфика дискурса устанавливается на основании анализа его функций и базовой проблемы, которые выражаются, главным образом, в телеологическом и онтологическом параметрах дискурса и обуславливают содержание и иерархию остальных параметров. В то же время динамика, открытость, когерентность и границы дискурса связаны с межпараметральными корреляциями, которые автор разделяет на два типа – ментально-когнитивные и социально-коммуникативные. Ментально-когнитивные корреляции (индивидуальные ценности, речевые навыки, эмоции, установки, потребности и интересы, ментальные схемы и т.д.) характеризуют тип связей между параметрами дискурса, которые устанавливаются на уровне сознания субъекта и репрезентируют его познавательный и речевой опыт. Социально-коммуникативные корреляции (языковые и речевые нормы, коллективные установки, «социальный тезаурус» и т.д.), напротив, выражают связи между параметрами, устанавливаемые нормативной средой коммуникации. Автор обращает внимание на то, что и ментально-когнитивные, и социально-коммуникативные корреляции не имманентны дискурсу, а имеют либо психологическую, либо социокультурную природу. Целостность дискурса возможна благодаря «до-дискурсным» явлениям (например, концептам, ценностям, эмоциям или объективным языковым нормам). Из этих положений автор делает следующий вывод: *диагностика социально-коммуникативных корреляций позволяет определить репродуктивный характер культуры, а ментально-когнитивных – её генеративный характер.*

В третьей главе «Институциональность дискурса в системе культуры» рассматриваются проблемы генеративного и репродуктивного характера дискурса как формы бытия культуры, его связи с социокультурными феноменами идеологии, института и предлагается философско-культурологическая интерпретация проблемы субъекта дискурса.

В первом параграфе «Дискурсные формации и дискурсные практики в культуре (методологические взгляды М. Фуко)» на основе реконструкции и анализа «археолого-генеалогической» концепции дискурса М. Фуко автор формулирует основные положения, определяющие характер институциональности дискурса.

Категории «дискурсная формация» и «дискурсная практика», введенные в научный оборот Мишелем Фуко, позволяют, во-первых, определить историко-культурную и социально-эпистемическую обусловленность дискурса, социетальные условия содержания, конфигурации и «модусов» дискурсов и, во-вторых, обозначить дискурсные стратегии и способы самоопределения субъектов (стратегии и способы «производства субъективности»).

Дискурс, с точки зрения французского философа, представляет собой своего рода «энергию» культуры, нормирующую, регламентирующую и регулирующую характер и способы производства и трансляции знания и опыта. Культурное пространство характеризуется сложным переплетением различных дискурсных практик, с одной стороны, реализующих принцип власти и, с другой стороны, обуславливающих субъективную свободу.

В таком контексте рассмотрение дискурса как формы бытия культуры предполагает помимо прочего анализ «рассеивания» его элементов, правил формирования объектов, высказываний, понятий и теорий («тематических стратегий»). Дискурс в таком контексте можно рассматривать как систему связей и отношений, задающих модус распределения семиотических элементов в определенном социально-историческом культурном поле.

По Фуко, онтологический уровень (формирование объектов) является той основой, которая предопределяет специфику всех последующих уровней: номинируемые объекты делают возможными одни акты высказывания и исключают другие, формируют систему притязаний субъекта, основные стратегии его культурной идентификации и самореализации.

Концепция Фуко позволяет сформулировать важную методологическую проблему – анализ того, что в той или иной культуре институционально разрешено к говорению, а что замалчивается; того, как конструируются, изменяются и понимаются базовые культурные концепты; как конституируется и реализуется «право на говорение»; в каких институциональных рамках «производится» знание; как формируются социокультурные категории и дифференциации. Способ реализации интенции говорящего и актуализации культурных смыслов предопределяется доступными коммуникантам дискурсными средствами и стратегиями, или – порядком дискурса. «Археолого-генеалогическая» концепция позволяет также решить еще одну серьезную методологическую проблему – проблему аутентичного смысла дискурса. Его распознавание возможно благодаря анализу не «основного содержания», не ключевых тем, а границ дискурса, то есть тех дискурсивных пространств, где смысл начинает «угасать». Подобная граница пролегает *между* дискурсами: там, где заканчивается один дискурс, начинается другой, как, например, смысловое поле научного дискурса заканчивается там, где начинается религиозный дискурс.

Во втором параграфе «Дискурс в связи с социокультурными явлениями: идеология, институт, субъект (методологические позиции М. Пешё, Ж. Лакана, Ф. Джеймисона)» автор, реконструируя социально-критическую теорию М. Пешё, психоаналитическую теорию Ж. Лакана и постмарксистскую теорию Ф. Джеймисона, решает методологическую задачу концептуализации идеологии, институции и субъекта в рамках дискурсной теории и приходит к следующим выводам.

Дискурсный подход к изучению культурных явлений ориентирован на выявление конструирования их «смысловых границ» в дискурсе. Пешё показывает, что социокультурный феномен может иметь смысл только в процессе дискурсной практики, которая закрепляет референциально-смысловые связи и конструирует поле возможных смысловых трансформаций. Но в то же время репрезентация явления в дискурсе порождает многообразие его интерпретаций.

Дискурсные процессы не только производятся субъектом, но и генерируются культурно-историческим способом производства дискурса (в терминах М. Пешё – «идеологической формацией»), понимаемой как «виртуальный метатекст», с которым соотносятся все тексты дискурсной формации). Субъект при этом «забывает» об идеологической и социокультурной предопределенности его дискурса. Автор обращает внимание на методологическую значимость феномена «забвения собственной дискурсной несвободы»: если субъект создает иллюзии относительно независимости его дискурса от идеологии, то необходимо, как минимум, анализировать «порядок» этих иллюзий.

Автор подчёркивает, что как субъект производит дискурс, так и дискурс оказывает конструктивное и генеративное воздействие на субъекта, культуру и другие дискурсы. В исследовательской парадигме Лакана дискурс трактуется как социокультурный феномен, играющий первостепенную роль для познания сущности когнитивных, идентификационных и бессознательных процессов, «программируемых» культурой. Дискурс не только *генерируется субъектом*, но и *принуждает его*. Это положение в значительной степени имеет отношение к «институционализированным» видам дискурса, поскольку система норм и правил коммуникации и познания на институциональном уровне в большей степени зависит не от намерений индивида, а от коллективного опыта «говорения и понимания». В то же время дискурсные практики не сводятся исключительно к регламентации деятельности и мышления человека, но предполагают и творческую (созидающую и преобразующую) деятельность субъекта как активного агента культуры.

В третьем параграфе «Проблема субъекта дискурса: философско-культурологическая трактовка» автор обосновывает научную значимость методологической проблемы связи между субъектом и дискурсной практикой в контексте культуры. Эта проблема выражается в поисках «демаркации» между дискурсом как формой культуры и дискурсом как продуктом сознания субъекта. Граница между культурным и индивидуально-субъективным достаточно условна, поскольку как культура воздействует на ментально-когнитивные процессы субъекта посредством дискурса, так и субъект реализует свою трансформационную функцию в отношении культуры в ходе дискурсной практики.

В некоторых версиях теории дискурса субъект трактуется как сознание, порождающее и воспринимающее дискурс; как автор, агент и реципиент дискурсной практики; как общающаяся личность, обладающая автономным сознанием. Достаточно распространенным является трактовка субъекта как «эффекта дискурса», «продукта дискурсной формации». Дискурс в таком ключе мыслится как культурно обусловленная самоорганизующаяся процессуальность, в которой имеет место «самотолкование культуры». Существует также и «критически-онтологическая» точка зрения на природу субъекта – в этом случае он понимается как конструируемая и конструирующая субстанция. С этой точки зрения, сознание исследователя, ставя определенные научные задачи, разграничивает субъекты и объекты, конструируя их и формируя в том числе собственную субъективность, поскольку действия исследователя также являются дискурсной практикой.

На взгляд автора, то, что объединяет все три точки зрения, несмотря на существенные противоречия между ними, – это помещение субъекта в оппозицию с дискурсом. Связь «субъект – дискурс» мыслится либо диалектически, либо компенсаторно (то есть один элемент дополняет и развивает другой). Субъект мыслится в указанных подходах либо как внеположенный дискурсу, либо как переменная (или функция) дискурса. В то же время автор трактует культуру как сферу процессуального творчества по сохранению и воспроизводству опыта, идей и ценностей и по адаптации к изменяющимся условиям существования, что предполагает рефлексивную деятельность ее «носителей». В этой связи дискурс в высшей степени имеет отношение к субъекту – но не диалектическое, и не аспектное, а отношение явления к условию. Субъект, являясь условием дискурсной практики, в то же время испытывает принуждающее действие с ее стороны по отношению к себе. Эти отношения не являются диалектическими в полном смысле, поскольку субъект дискурса обладает достаточной свободой следования, интерпретации, трансформации правил дискурса. Наличие, с одной стороны, стремления субъекта к свободе, и, с другой, объективных условий свободы выбора правил дискурса обуславливает рефлексивный, интенциональный и преимущественно рациональный характер дискурсной практики как формы существования культуры.

В четвертой главе «Философско-культурологическая интерпретация типов дискурсов» автор рассматривает политический, религиозный, юридический и образовательно-педагогический дискурсы. Выделение этих типов дискурса связано с их интеграцией в соответствующую культурно-институциональную систему (соответственно, политика, религия, право, образование и воспитание). Автор обосновывает выбор этих дискурсов для анализа их динамичным развитием в современном мире и активизировавшимся поиском путей «гармонизации» между ними. Автор полагает, что эффективность подобного рода поисков зависит от целостного представления о дискурсах в единстве их параметров.

В первом параграфе «Специфика политического дискурса» автор формулирует определение феномена политического дискурса, понимая под ним *регламентируемую определенными историческими и социокультурными кодами (традициями) смыслообразующую и воспроизводящую деятельность, направленную на формирование, поддержание и изменение отношений доминирования и подчинения в обществе.*

Телеология политического дискурса характеризуется наличием таких целей, как завоевание, удержание и распределение власти и является факторным в системе политического дискурса. Даже реализация дескриптивных функций политическим дискурсом предполагает легитимацию властных отношений.

Онтологический параметр характеризуется неопределенностью, «эфемерностью» как самих политических объектов, так и их границ. Автор отмечает, что границы номинируемых объектов в политическом дискурсе устанавливаются в соответствии с тем, как распространяются властные амбиции и за счет каких именно объектов предполагается реализовать власть.

Языковой параметр специфичен семантической неопределенностью, эзотеричностью, идеологической полисемией, сложностью значений лексики, использованием эмоционально-возвышенной лексики, что в своей совокупности позволяет адресантам манипулировать со смыслом высказываний и объективировать субъективно-коннотативные значения.

На это нацелены также значения когнитивного параметра политического дискурса, которые характеризуются использованием не строго определенных понятий, оценкой истинности высказываний на основе их авторства и соответствия идеологической точке зрения, а также скорее конструирующим, чем воспроизводящим типом познания.

В отношении текстового параметра, автор выделяет такие особенности политического дискурса, как привлечение широкого спектра типов текстов для реализации главных его целей: с одной стороны, нарративные, декларативные, референциальные, а с другой – художественные, публицистические, научные тексты используются политическими агентами в качестве инструмента воздействия на сознание и опыт реципиента.

Контексты политического дискурса в значительной степени образованы прецедентными текстами, что обуславливается необходимостью воспроизводства власти: идентификация адресатом ключевых категорий возможна за счет наличия их в опыте чтения аналогичных текстов. Конструирование знания в политической дискурсной практике происходит в контексте конкретных действий в определенном хронотопе и связано с жизненным миром и смысложизненными ориентирами коммуникантов.

Отличительной особенностью коммуникативного параметра политического дискурса является его массовость и неопределенность границ коммуникантов.

В целом политический дискурс направлен не на объективную репрезентацию действительности, но преимущественно на конструирование особого типа реальности в соответствии с властными интенциями и амбициями. Политическая дискурсная практика организуется таким образом, что неопределенность и неточность ее ключевых категорий, объектов и потенциальной аудитории способствует включению в ее поле все большего числа индивидов. Политический дискурс оперирует богатыми языковыми, когнитивными, коммуникативными инструментами, что дает возможность политическим субъектам возможно вуалировать базовую цель достижения и удержания власти.

Второй параграф «Философско-культурологический анализ религиозного дискурса» посвящен анализу характерных свойств дискурса религии, под которым понимается *регламентируемая определенными историческими и социокультурными кодами (традициями) смыслообразующая и воспроизводящая деятельность, направленная на формирование, трансляцию и изменение догматического мышления, сакрального мироощущения и мистического опыта.*

Религиозный дискурс строится в отношении решения проблемы веры как феномена индивидуального и массового сознания, выражающегося в принципиальной недоказуемости тезиса, фиксирующего истину, которая трактуется как высшая ценность. Эта проблема выражается в параметрах дискурса следующим образом.

Телеологический параметр. Религиозный дискурс используется субъектами института религии с целью сохранения, трансляции и актуализации ценностей, норм и мистического опыта. Дискурс строится относительно порядка сохранения и изменения положения вещей, что объясняется стремлением человека к спасению и (вос)соединению с Абсолютом.

Предметная область религиозного дискурса включает в себя рационально не познаваемые явления, трактуемые как «истинно существующие» и доступные восприятию в результате мистического опыта. Автор обращает внимание на достаточно высокую степень знаковости и метафоричности предметной области религиозного дискурса. Значимость мистического опыта, переживаний и ценностей, поддерживающих веру, является системообразующим внутренним фактором религиозного дискурса.

Язык религии ориентирован на поиск средств для адекватного выражения системы референций. Языковыми средствами передачи мистического опыта являются эвфемизмы, тропы, экспрессивно-возвышенная лексика, положительные и отрицательные экспрессивы, – то, что обеспечивает не точную рационализацию референта высказывания, а его «интуитивное понимание». Язык религиозного дискурса формально и содержательно консервативен, что вызвано необходимостью сохранения догматического потенциала дискурса.

Знание в религиозном дискурсе конструируется на основе догм и мистических переживаний, а истина понимается не как соответствие действительности, а как совпадение с Абсолютом, знание о котором зафиксировано в Сакральном тексте. Трансляция сакрального знания и опыта предполагает точное понимание религиозных максим, что достигается с помощью недвусмысленного формулирования ее базовых максим. В религиозном дискурсе достаточно широко применяются аргументативные средства, которые адаптируют канонически-догматическую основу религиозного учения к конкретным ситуациям повседневного действия, что в целом указывает на суггестивный характер религиозного дискурса.

Текстовый параметр религиозного дискурса отличается широким спектром текстов различного жанра, в то время как их «смысловый центр» – это Сакральный текст, который содержит в себе базовые положения религии, служит ориентиром и отправной точкой в реализации дискурсной практики. Сакральный (канонический) текст фактически представляет собой запись религиозного учения, он сам представляет собой учение, может быть использован для объяснения жизненных ситуаций и построения новых религиозных текстов. Он наделяется статусом символа веры, ее содержания и даже ее адресанта.

Высокая степень ритуальности религиозного дискурса, с одной стороны, и его личностная ориентированность, с другой стороны, обуславливают два основных типа контекста осуществления религиозной дискурсной практики – ситуационный и экзистенциальный.

Коммуникация в институте религии характеризуется жесткой иерархией базовых участников коммуникации, порядок которой определяется степенью сакральности и участия в религиозной деятельности.

Параметры религиозного дискурса выражают «внутреннее напряжение» дискурса, связанное с выражением мистического опыта в языке и коммуникации. Религиозный дискурс выступает в качестве механизма актуализации ценностно-нормативных и догматических основ религии, будучи при этом высоко субъективированной деятельностью.

В третьем параграфе «Структура и системообразующие связи юридического дискурса» автор дает следующее определение: *юридический дискурс – это регламентируемая определенными историческими и социокультурными кодами (традициями) смыслообразующая и воспроизводящая деятельность, направленная на формулирование норм, правовое закрепление (легитимацию), регулирование и контроль общественных отношений*. Проблема, которая специфицирует юридический дискурс, связывается с регулированием социальных отношений между индивидами и с полномочиями (легитимностью), свободами и ответственностями субъектов юридического дискурса.

Телеологический параметр. Автор отмечает, что юридический дискурс направлен не просто на точное описание положения дел, но и на реализацию действий по изменению действительности, что свидетельствует о преследовании юридическим дискурсом цели нормирования и регулирования социальной реальности. Телеология юридического дискурса базируется на системе социального контроля, которая создается с помощью иных институтов, уже сформированных социокультурных отношений и ценностей.

Предметная область юридического дискурса включает в себя три «онтологические сферы»: «фактуально-физические» объекты, относящиеся к предметному миру и действительному положению дел; «поведенческие» объекты, относящиеся к действиям и отношениям; «абстрактные» объекты, относящиеся к отвлеченным категориям, позволяющим совершать когнитивные операции с первыми двумя типами объектов. Все три группы объектов наделяются в юридическом дискурсе ценностным статусом.

Специфика языка юридического дискурса выражается в широком использовании понятийно-смысловых языковых средств, клише и канцеляризмов, сложностью синтаксических структур, устойчивым использованием ограниченного спектра жанрово-стилистических средств, низкой контекстуальностью, и т.д. Язык юридического дискурса фиксирует своего рода призмат юридической картины мира над обыденной и свидетельствуют о его подчиненности цели нормализации отношений.

Юридическое познание носит «диагностико-оценивающий» характер, а специфика «юридических объектов» такова, что познающий субъект стремится к максимально точному недвусмысленному их описанию. Юридический дискурс специфичен наличием жестких требований к логико-аргументативным процедурам и организации рассуждения. По своему результату юридическое познание адаптивно или конструктивно по отношению к иным типам институционального познания; однако, по своему процессу оно специфично и независимо. Важным специфицирующим признаком юридического дискурса является то, что оценка истинности юридических высказываний

осуществляется на основе их соответствия не только внеязыковой реальности, но и прецедентным текстам, высказываниям, понятиям, а также формально-логическим нормам.

Юридические тексты содержат и раскрывают базовые понятия и категории юриспруденции, содержат критерии оценки правомерности действий, описывают технологию правореализации, создают информационные прецеденты. Автор обосновывает, что текст юридического дискурса обладает ценностными характеристиками, а также понимается и как репрезентированная реальность, и как социокультурный конструктор.

Контекстуальность юридического дискурса определяется такими его специфическими чертами, как прецедентность, формализованность, «текстоцентричность», универсальность и объективность категорий, норм и конвенций, что в совокупности снижает значимость экзистенциального контекста. Строгие требования к организации хронотопа юридической коммуникации, делают юридический дискурс в высшей степени ситуационно-обусловленным и в то же время легитимируют его.

Коммуникативный параметр юридического дискурса обладает рядом специфических значений, к которым автор относит, во-первых, высокую степень профессионализации отношений коммуникантов; во-вторых, «тотальность» коммуникативного эффекта; и, в-третьих, посреднический характер трансляции сообщений.

Для юридического дискурса характерно «отчуждающее» действие в отношении субъекта дискурса, что осуществляется с помощью языковых, когнитивных, коммуникативных и контекстных механизмов.

В четвертом параграфе «Философско-культурологическая модель образовательно-педагогического дискурса» автор определяет дискурс образования как *регламентируемую определенными историческими и социокультурными кодами (традициями) смыслообразующую и воспроизводящую деятельность, направленную на трансляцию, воспроизводство и регулиацию определенных ценностей, знаний, навыков и моделей поведения.*

Проблема образовательно-педагогического дискурса выражается в поиске и реализации когнитивных и коммуникативных средств, репрезентирующих профессиональные, культурные, экзистенциальные идеалы образования и конструирующих профессиональные, социокультурные, личностные идентичности, а также в противоречии между индивидуально-личностными интенциями, способностями, мироощущением, опытом и унифицирующим характером «институционального действия образования».

Образование нацелено на создание или воспроизведение гомогенного социокультурного поля, в котором соизмерялись бы индивидуальные и коллективные интересы и потребности. В этой связи образовательно-педагогический дискурс характерен тем, что в ходе *описания и объяснения* индивиды наделяются универсальными характеристиками, облегчающими достижение «общественного консенсуса». Дискурс образования *нормирует* характеристики и действия индивидов, создавая различные классификационные схемы. В то же время, образование производит социокультурные различия, и, соответственно, образовательно-педагогический дискурс реализует цели *описания и объяснения* индивидуальных характеристик.

Характерным для предметной области образовательно-педагогического дискурса является принципиальное разграничение концептов «индивид» и «личность», при котором индивид трактуется как феномен настоящего, а личность – как феномен будущего. Для этого типа дискурса характерна трактовка личности как, скорее, незавершенного в настоящем «идеального проекта», а с этим связана презумпция «бесконечности» образования и воспитания. Автор обращает внимание на так называемую «борьбу дискурсов за формирование личности», в которую, помимо образовательно-педагогического, включаются иные дискурсы.

Характерные черты языка образовательно-педагогического дискурса, с одной стороны, жестко подчиняются его базовым целям объяснения, нормирования, принуждения; в то же время они несут в той или иной степени выраженный технологический характер. Социализация означает, помимо прочего, освоение дискурсивной практики, а язык образования не только выражает, объясняет и побуждает, но и воспроизводит себя в опыте воспитуемых.

В когнитивном отношении образовательно-педагогический дискурс направлен на конструирование унифицированного знания о мире, а также на трансляцию и закрепление культурных концептов и практических знаний. Этот тип дискурсивной практики увязывается с социальными, профессиональными, культурными и возрастными факторами познания и ориентирован не только на полную транслируемость знания, но и на его доступность сознанию адресатов. При этом личный опыт адресанта оказывает существенное влияние на характер интерпретативных процедур.

Образовательно-педагогический дискурс оперирует преимущественно текстами, «заимствованными» из иных культурных институтов с целью создания более общего дискурсивного поля, в котором осуществляется целенаправленная социализация и инкультурация индивидов. Он включает в себя также тексты, используемые в качестве объекта анализа и интерпретации в процессе учебной коммуникации, что объясняется задачами интеграции индивида в широкий социокультурный контекст.

Дискурс образования связан с ситуационным и экзистенциальным контекстами дискурсивной практики. Ситуационный контекст чётко ограничен временем и местом, закрепленными за учебным процессом, а экзистенциальный контекст связан с необходимостью интериоризации транслируемого социокультурного опыта.

Коммуникативный параметр специфичен наличием специфичного типа общения – аудиторной коммуникации, которая не только подчиняется унифицирующим правилам, но и представляет собой процесс конструирования представлений о них коммуникантами. Образовательно-педагогические дискурсивные практики реализуются в самых разнообразных коммуникативных формах и процессах, выбор которых обусловливается тем, какие когнитивные операции предполагается актуализировать и какой коммуникативной и когнитивной подготовкой обладает адресат.

Содержание образовательно-педагогического дискурса в значительной степени зависит от особенностей когнитивных процессов адресатов и характера учебно-воспитательного взаимодействия, а также возможны при двух глав-

ных условиях – интеракции между учителем и учеником и осуществлением процесса познания. Результатом образовательно-педагогического дискурса является не только передача определенных ценностей, знаний и навыков, но и формирование и закрепление дискурсной компетентности индивида.

Резюмируя предпринятые попытки интерпретации специфических характеристик дискурсов, автор предлагает «матрицу межпараметральных корреляций», выстраивает предположения о её содержании и апробирует схему анализа корреляций на примере политического дискурса.

В **Заключении** обобщаются результаты, формулируются окончательные выводы и указываются перспективы дальнейшего развития темы исследования.

Основное содержание диссертации отражено в следующих избранных публикациях автора:

Монографии, главы и разделы в коллективных монографиях, брошюрах:

1. Кожемякин, Е.А. Дискурсный подход к изучению институциональной культуры: Монография / Е.А. Кожемякин. – Белгород: изд-во БелГУ, 2008. – 246 с. (14,2 п.л.) ISBN 978-5-9571-0351-6.

2. Кожемякин Е.А. Дискурсивное измерение социальных практик // Общество как со-бытие: «система» и «жизненный мир»: Монография / под ред. В.И. Разумова. – Омск: СИБИТ, 2007. – С.156-168 (26 п.л. / 0,9 п.л.). – ISBN 978-5-98867-009-4.

3. Кожемякин Е.А. Межкультурные коммуникации: от теории к практике: Монография / Е.А. Кожемякин. – Белгород: БелГУ, 2003. – 119 с. (10 п.л.).

4. Кожемякин, Е.А. Межкультурные коммуникации в социальной сфере // Гуманизация социальной сферы: Монография / под ред. И.А. Ильевой и Т.Н. Кузнецовой. – Белгород: «Крестьянское дело», 2002. – С. 73-89 (17 п.л. / 1 п.л.). – ISBN 5-86146-137-6

Статьи в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК РФ:

5. Кожемякин, Е.А. Анализ дискурса как системы рассеивания в традиции французской философии второй половины XX века (М. Фуко, М. Пешё) / Е.А. Кожемякин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2008. – №2 (42). – Вып. 3. – С. 5-17. (1 п.л.).

6. Кожемякин, Е.А. Проблема дискурсного конструирования социальной реальности: историко-философские аспекты / Е.А. Кожемякин, И.Г. Дронова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2008. – №14 (54). – Вып. 6. – С. 5-12. (0,5 п.л. / 0,3 п.л.).

7. Кожемякин, Е.А. Интерпретация субъекта дискурсной практики в неклассической философии / Е.А. Кожемякин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2008. – №12 (52). – Вып. 5. – С. 5-11. (0,5 п.л.).

8. Кожемякин, Е.А. «Дискурсивный поворот» современных социально-гуманитарных исследований / Е.А.Кожемякин // Личность. Культура. Общество. – Т. IX. – №4. – 2007. – С. 205-214. (0,6 п.л.).

9. Кожемякин, Е.А. Политический дискурс: многопараметральная модель / Е.А. Кожемякин, Е.В. Переверзев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – №2. – С. 74-80. (0,8 п.л. / 0,4 п.л.).

10. Кожемякин, Е.А. Дискурс-анализ в современном социально-гуманитарном знании / Е.А. Кожемякин // Человек. Сообщество. Управление. – 2006. – №3. – С. 25-39. (0,5 п.л.).

11. Кожемякин, Е.А. Кросс-культурные модели дискурсивной практики (на примере студенческого самоуправления) / Е.А. Кожемякин, В.В. Бахарев, Т.В. Жукова // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2007. – №4. – С. 54-60. (0,8 п.л./ 0,3 п.л.).

12. Кожемякин, Е.А. Межинституциональные связи политического дискурса / Е.А. Кожемякин, Е.В. Переверзев // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2007. – №8. – С. 59-65. (0,8 п.л. / 0,4 п.л.).

13. Кожемякин, Е.А. Идеология в поле искусства: возможности критического дискурс-анализа / Е.А.Кожемякин // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. – 2007. – №3. – С. 39-48. (1 п.л.).

14. Кожемякин, Е.А. Дискурсная матрица институциональной культуры / Е.А. Кожемякин // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. – 2007. – №2 (Т.5). – С. 58-63. (0,8 п.л.).

15. Кожемякин, Е.А. Методологические проблемы изучения дискурсных практик / Е.А. Кожемякин, Е.А. Кротков // Труды Института системного анализа РАН. – 2008. – Т.37. – С. 151-174 (1 п.л. / 0,5 п.л.).

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Украины:

16. Кожемякин, Е.А. Прототипизация и категоризация как основания идеологического дискурса / Е.А. Кожемякин // *Studia methodologica*. – 2005. – Вып. 16. – С. 298-301. (0,3 п.л.).

17. Кожемякин, Е.А. Репрезентация социальных практик в социально-политическом дискурсе / Е.А. Кожемякин // Наукові записки Луганського Національного Університету. Серія «Філологічні науки» – 2008. – Вып. VII. – Т. II. – С. 102-112. (0,5 п.л.).

Статьи и тезисы в научных журналах и сборниках:

18. Kozhemyakin, E.A. Modern Discourse Studies: Back to Foucault / E.A. Kozhemyakin // *Media and Global Divides: IAMCR World Congress (Stockholm, 20-25 July 2008)*. – Stockholm, 2008. – P. 335. (0,2 п.л.).

19. Кожемякин, Е.А. Дискурс-анализ как междисциплинарная методология: исторический аспект / Е.А.Кожемякин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – №15 (55). – Вып. 2. – 2008. – С. 5-13. (0,7 п.л.).

20. Кожемякин, Е.А. Дискурсная природа общественных институтов: исследовательская перспектива / Е.А. Кожемякин // *Дискурсология: методология, теория, практика. Доклады Второй Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти Жана Бодрийера*. – Том. 1. – Екатеринбург: «Дискурс-Пи», 2007. – С. 17-20. (0,4 п.л.).

21. Кожемякин, Е.А. Дискурс: терминологический статус и коррелирующие понятия («текст», «язык», «мышление», «коммуникация») / Е.А. Кожемякин // *Коммуникация в современной парадигме социального и гуманитарного знания. Материалы 4-й Междунар. науч.конф. РКА «Коммуникация – 2008»*. – Москва, 2008. – С. 265-268. (0,4 п.л.).

22. Кожемякин, Е.А. Модель дискурсивного действия: Discourse Studies vs. Психология (Уззерел, Эдвардс, Поттер) / Е.А. Кожемякин // Коммуникация в современной парадигме социального и гуманитарного знания. Материалы 4-й Междунар. науч. конф. РКА «Коммуникация – 2008». – Москва, 2008. – С. 263-265. (0,2 п.л.).
23. Кожемякин, Е.А. Реванш практического разума, или Несколько замечаний о разрыве как реальности действия / Е.А. Кожемякин // Социальные практики. – Т. 1. – №1. – Минск: БГУ, 2008. – С. 126-135. (1 п.л.).
24. Кожемякин, Е.А. Сопротивление в вузе: перспективы дискурсивного подхода / Е.А. Кожемякин, К.Ю. Королёва // Институциональная прагматика студенческого действия в университете: академическое сопротивление: сб. науч. ст. / Под ред. А.А. Полонникова и А.М. Корбута. – Минск: Изд. центр БГУ, 2008. – С. 54-59. (0,6 / 0,4 п.л.).
25. Кожемякин, Е.А. Институциональные дискурсы: программа сравнительного исследования / Е.А. Кожемякин // Человек. Сообщество. Управление. – №2. – 2007. – С. 96-107. (0,8 п.л.).
26. Кожемякин, Е.А. Реконструкция субъекта в образовательном дискурсе / Е.А. Кожемякин // Университет в перспективе развития. Альманах ЦПРО БГУ №5: Политики субъективации в университетском образовании. – Минск: «Профилии», 2007. – С. 39-53 (1 п.л.).
27. Кожемякин, Е.А. Парадоксы мультикультурализма как дискурсивного явления / Е.А. Кожемякин // Первый Российский культурологический конгресс: Сборник тезисов. – СПб, 2006. – С. 350. (0,1 п.л.).
28. Кожемякин, Е.А. Онтологический конфликт современных социально-гуманитарных наук и дискурсивная методология / Е.А. Кожемякин // Человек в изменяющейся России: философская и междисциплинарная парадигмы. Материалы Всеросс. науч. конф. – Белгород: БелГУ, 2007. – Ч. 1. – С. 41-47 (0,6 п.л.).
29. Кожемякин, Е.А. «Нехватка слов»: концепция речевого конфликта в работах И.А.Розета и ее прочтение в терминах дискурсивной теории / Е.А. Кожемякин // Розетовский сборник: сб. науч.ст. / под ред. Я.Л. Коломинского и А.А. Полонникова. – Минск: БГУ, 2007. – С. 90-97 (0,6 п.л.).
30. Кожемякин, Е.А. Дискурсивное измерение образования в поле идеологии и повседневности / Е.А. Кожемякин // «Коммуникативный поворот» современного образования. Материалы Междунар. науч. конф. – Минск: БГУ, 2004. – С. 154 – 160. (0,4 п.л.).
31. Кожемякин, Е.А. Методология исследования коммуникации в сфере культуры и идеологии / Е.А. Кожемякин // Хуманитарни науки – 2004: Предизвикателства и постижения. Научни статии – Бургас: Наука Инвест ЕООД – клон Бургас, 2004. – С. 3-14. (0,8 п.л.).
32. Кожемякин, Е.А. Дискурс в массовой коммуникации: статус и функции / Е.А. Кожемякин // Журналистика и медиаобразование – 2007. Сб. трудов 2-й Междунар. науч.-практ. конф. (Белгород, 1-3 октября 2007 г.): в 2 т. – Белгород: БелГУ, 2007. – Т. II. – С. 44-48. (0,5 п.л.).
33. Кожемякин, Е.А. Подходы к изучению медиадискурса в современной междисциплинарной среде / Е.А. Кожемякин, Е.В. Переверзев // Журналистика и медиаобразование – 2008. Сб. тр. III Междунар. науч.-практ. конф. Т. 2. – Белгород, 2008. – С. 39-44. (0,4 п.л. / 0,2 п.л.).
34. Кожемякин, Е.А. Семантическое поле повседневности: идеология, культура, дискурс / Е.А. Кожемякин // Диагностика и прогнозирование социальных процессов. – Белгород: БГТУ, 2003. – С. 72-78. (0,4 п.л.).

35. Кожемякин, Е.А. Культура, идеология, идентичность: синергетическая постановка проблемы / Е.А. Кожемякин // Фракталы и флуктуации в культуре. – Белгород: БГТУ, 2003. – С. 26-42. (0,9 п.л.).

36. Кожемякин, Е.А. Неявные границы культуры: дискурсивная бесконечность / Е.А. Кожемякин // Фракталы и флуктуации в культуре. – Белгород: БГТУ, 2003. – С. 48-66. (1,1 п.л.).

37. Кожемякин, Е.А. Культурологический анализ дискурсивной практики личности в межкультурных коммуникациях: Автореферат кандидата философских наук / Е.А. Кожемякин. – Белгород: БелГУ, 2001. – 18 с. (1,1 п.л.).

38. Кожемякин, Е.А. Дискурсивная практика в рамках самоорганизации культуры / Е.А. Кожемякин // Синергетика в современном мире. Материалы Международ. науч. конф. – Белгород: БГТУ, 2001. – С. 169-175. (0,4 п.л.).

39. Кожемякин, Е.А. К вопросу о соотношении вербального и реального поведения / Е.А. Кожемякин // Сооружения, конструкции, технологии и строительные материалы XXI века. Сборник докладов II Междунар. конф.-школы-семинара мол. учен., асп. и докторантов. – Белгород: Изд-во БелГТАСМ, 1999. – Ч. 4. – С.274-277. (0,3 п.л.).

10 =